

Иван Державин

Революция 2017

Предвидение

Иван Державин

Революция 2017. Предвидение

«Издательские решения»

Державин И.

Революция 2017. Предвидение / И. Державин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749607-4

Фантастическая повесть «Революция» — завершающая четвертая книга хроники постсоветских времен «В круге втором» и продолжение повести «Когда?» Улучшение жизни народа в Лесках стало костью поперек горла руководства страны. Верхову снимают с должности мэра и, несмотря на бунт народа, сажают в тюрьму.

ISBN 978-5-44-749607-4

© Державин И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая Катакомбы	7
Поперек горла	7
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Революция 2017 Предвидение

Иван Державин

*Книга четвертая хроники
постсоветских времен «В круге втором».*

*Эта страна должна испить всю
горькую чашу до самого дна*

Е. Ясин

*Революция – единственный
для России способ выжить.*

Захар Прилепин.

© Иван Державин, 2017

ISBN 978-5-4474-9607-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В конце повести «Когда?» – третьей книги хроники постсоветских „времен «В круге втором» – я выразила надежду продолжить писать о Константине Верхове. На основе моих рассказов и статей о нем мой дядя Державин Андрей Макарович написал три повести «Любовь распята», «Кто я?» и „Когда? После его внезапной смерти в апреле 2010 года я нашла в его компьютере черновики почти полностью готовой последней четвертой книги хроники – фантастическую повесть «Революция 2017». Я решила завершить ее, однако дело с обработкой черновиков затянулось. Вначале все время отнимала газета «Заре навстречу», затем последовали арест Кости и длившиеся более полутора лет судебные тяжбы. Все мои помыслы были о его освобождении. А тут еще у меня родился внук, которого повесили на меня, так как я оказалась безработной после закрытия моей газеты.

Лишь после вынесения приговора Косте я вплотную занялась рукописью, не переставая поражаться пророчеству Андрея Макаровича, так как действия в повести начинались спустя полтора года и заканчивались через семь лет после его ухода. Я была убита наповал сходством моего спора с Президентом при посещении им отделения полиции в Подмоскovie с описанной в черновиках моей с ним полемики на встрече с журналистами в Кремле. За основу я взяла все же реальную пресс-конференцию, которая была ближе к последовавшим за ней событиями на самом деле. И также подправляла некоторые уже свершившиеся события, не переставая удивляться предсказаниям автора, в частности, нового экономического кризиса в России. Его он предвидел, так как был уверен в предстоящей рокировке Президента с Премьером и продолжении проведения ими прозападного капиталистического курса. В связи с этим никаких сдвигов в лучшую сторону в стране он не видел, и Россия по-прежнему будет полностью зависеть от нефтяной иглы и доллара. Признайтесь, что пять лет назад вы жили лучше и сейчас совсем не уверены, что завтра будет лучше. Бывший Президент, ставший Премьером, лишь беспомощно разводит руками: «Что мы можем сделать, если цены на нефть упали, а доллар взлетел до небес?»

А Андрей Макарович знал, что нужно делать: надо вернуть страну на социалистические рельсы и тем самым покончить с зависимостью от враждебных к нам стран. И сделать это должен сам народ, очнувшись, наконец, от капиталистическо-демократического угара и взяв власть в свои руки. Что он и сделал в повести.

Разумеется, Андрей Макарович в чем-то ошибся, так как не был профессиональным провидцем, просто он очень любил Россию и мечтал, чтобы она процветала. Читателю предоставляется возможность либо посмеяться над его фантазией, либо признать его правоту, сравнив события в повести с реальностью и сделав соответствующий вывод, для себя.

Главное, в чем ошибся Андрей Макарович, предсказав войну в Беларуси вместо Украины, хотя события на ее Юго-Востоке в чем-то схожи с описанной в книге войной. Вы не поверите, но я целый год провела в Донбассе в самые напряженные дни, мало чем отличавшиеся от описанных в повести на войне в Беларуси.

А вот угадал он или нет новую Октябрьскую Революцию в России в 2017 году, как говорится, еще не вечер, и время покажет.

Жанр фантастики допускает некоторое сходство с реальными персонажами, но это происходит ненароком, и если с кем-то это случится, то от имени Андрея Макаровича прошу заранее прощения.

Нина Кузина

Глава первая Катакомбы

*В условия глубокого упадка
лишь катакомбные группы общества,
отличающиеся от виновных в упадке
идеологией и формами жизнедеятельности,
в состоянии спасти страну и народ*

Сергей Кургинян

Поперек горла

Я рассталась с вами, имея в виду читателей всероссийского масштаба, в конце 2009 года, когда после избрания новым Президентом России прозападного либерал-демократа в стране началась окончательная зачистка остатков советского прошлого и плотная западнизация всех структур общества. Верный своей маниакальной идее преимущества частной собственности над государственной, новый Президент дал указание доприватизировать в стране все и вся, в том числе стратегические отрасли и объекты. А чтобы закрепить капитализм в России на мировом уровне, он приказал ускорить переговоры по вступлению ее в ВТО, несмотря на серьезные возражения видных экономистов, что после этого страна впадет в полную зависимость от Запада практически по всем отраслям хозяйства, в первую очередь в ширпотребе и продуктах питания,

Но Президента больше интересовало другое. За годы его правления по количеству миллиардеров Россия вышла на второе место в мире и на первое – по разнице доходов между богатыми и бедными. И это неудивительно, так как основная доля доходов от продажи несметных природных ресурсов страны оседает в карманах небольшой кучки. Это избранники не народа, а Президента и правительства, и предпочитают они держать свои сбережения за границей, а не пускать их в России на развитие промышленности и сельского хозяйства. А народу от продажи природных ресурсов, по образному выражению Владимира Маяковского: «Одному – все, другим – дырка от бублика. Это и есть демократическая республика» – остается кукиш. Но наши Президент и Премьер, сам бывший до этого Президентом и отобравший действующего своим преемником, короче, два сапога пара, уверены, что именно такая система распределения народного богатства является самой справедливой на свете. Однако народ, совсем недавно живший в обществе социальной справедливости, не был согласен с такой оценкой и начал проявлять недовольство, а в отдельных регионах устраивать и бунты. Созданная, по инициативе нового Президента на основе разогнанной милиции, полиция, неплохо им прикормленная и оттого полностью ему подвластная, жестоко подавляет любые проявления недовольства народа.

Ярким примером противостояния президентской жандармерии с народом являются события, развернувшиеся в Лесках накануне общего дня выборов 4-го декабря 2011 года.

Если кто из вас не знал или забыл, я напомню, что на прошлых выборах там и во всей Центроградской области убедительную победу одержали кандидаты «Партии справедливости», чему в основном способствовало вступление в нее известного в области мэра Лесков Константина Верхова.

Благодаря его кипучей деятельности, в области, не говоря про Лески, была налажена жизнь в деревнях и наметился серьезный положительный сдвиг в развитии мелкоотраслевой промышленности малых городов. Сельское хозяйство Центроградской области, единственной

в стране, упорно противостоит натиску хлынувших в Россию бросовых продуктов, напичканных вредными для здоровья добавками, и пользуется большим спросом не только в области, но и за ее пределами.

Казалось бы, у центроградцев есть все основания, по сравнению с другими областями, жить и радоваться. Ан, нет! Оказывается, есть в стране люди, для которых улучшение жизни народа в этой области стало поперек горла или, мягко выражаясь, как чирий в заднице. Я имею в виду правящую партию. Потерпев поражение на прошлых выборах четыре года назад, она решила, во что бы то ни стало, взять реванш на выборах этого года. Однако с тех пор ее рейтинг скатился еще ниже. Даже по самым оптимистичным для нее прогнозам на предстоящих выборах ей с трудом удастся наскрести не более четверти голосов избирателей. Такого позора у нее не было никогда со дня ее основания. Это был бы уже не чирий в заднице, а японское хакакири. Естественно, она не могла допустить этого.

Не меньшее недовольство выражает и Партия Справедливости. Два года назад ее ряды покинул по идейным соображениям Верхов, уведя с собой большинство избирателей. А главное, к кому он ушел? К коммунистам, заклятым врагам Партии Справедливости и партии власти. Это означало безусловную победу коммунистов на предстоявших выборах. Допустить такую несправедливость указанные партии не могли, и обратились за помощью к гаранту Конституции – Президенту, зная его патологическую ненависть ко всему советскому прошлому.

Мне не надо было гадать, что наплели Президенту руководители обеих партий – все он выдал сам с присущей ему беспардонностью. Я совершенно случайно попала на его пресс-конференцию представителям СМИ во время посещения образцово-показательного полицейского участка в Подмоскowie. Приехав в Летный, я, как всегда, обзвонила знакомых, и одна из сокурсниц, Лена, работавшая в местной полицейской газете, предложила мне посмотреть на Президента, а может, и пообщаться с ним. Я не отказалась, и подруга выписала мне пропуск.

Приехала я часа на два раньше и, помогая Лене развешивать номера ее газеты, видела, как металось полицейское начальство, готовясь к высочайшему визиту. Ко второму пришествию Христа так не будут готовиться. Столько генералов я в жизни не видела. Наконец во двор въехал президентский кортеж. Самый главный генерал открыл дверь самой большой машины, и из нее вылез Президент ростом с пятиклассника. Я знала, что он низкорослый, но чтобы до такой степени, не думала. Но недаром говорится, мал золотник, да дорог или, как выразился любитель женских юбок шолоховский Лопухин, «маленькая блоха больнее кусает». Короче, мне он был по плечо, а подруге – по грудь, к тому же слегка обвисшую. Но не в этом дело, а в том, что он сказал нам, журналистам в спортивном зале, сделав несколько шагов по бегущей дорожке. Воспроизведу его слова почти полностью, тем более, что речь его была краткой.

– В наше великое преобразующее страну время, – сказал Президент, встав на помост, – все еще находятся люди, стремящиеся повернуть это время вспять. С этой целью они сеют зерна смуты в народе. Кое-где им даже удается выявлять своих сторонников и заставлять их устраивать антиправительственные выступления. Вы, я уверен, слышали о таком понятии, как русский бунт?

Раздались голоса:

– Слышали

– Мы уже с ним сталкивались.

– И, наверное, также знаете, что этот бунт называют еще безумным и беспощадным. – Голос президента окреп. – Поэтому и подавлять его следует также беспощадно, невзирая на возраст и пол. Враги демократии и либерализма для реализации своих гнусных целей активно используют женщин и подростков с еще не сформировавшимися современными политическими взглядами. Все вы помните омерзительные события на Манежной площади два года назад, устроенные националистами. – Президент обменялся взглядом со стоявшим рядом

руководителем правящей партии и, кивнув, продолжил еще более грозным голосом. – Чтобы не доводить дело до бунта, следует подавлять его в зародыше. В связи с этим серьезную тревогу у меня вызвали события в Центрограде и области. Как мне доложили, там назревает даже не бунт, а чуть ли ни восстание против существующего в России государственного строя, добровольно выбранного самим народом двадцать лет назад после свержения тоталитарного бесчеловечного коммунистического режима.

Практически никто из присутствующих, кроме меня и моей подруги, не имел представления о том, что на самом деле происходило в Центрограде и области. Молчать я не была намерена, но решила послушать, что выдаст глава государства дальше.

– Я не против участия оппозиции в руководстве страны, – продолжил он, понизив голос. – В Госдуме компартия считается главной оппозиционной партией. Я хорошо знаю Председателя этой партии Зубатова Григория Анатольевича, часто встречаюсь с ним наравне с другими партиями. У меня с ним, могу сказать, если не дружеские, то вполне нормальные деловые отношения. Нередко он критикует существующий в стране строй и даже меня лично, но никогда не поднимал вопрос о силовой замене существующего строя на другой. А в Центрограде на каждом шагу встречаются кандидаты в депутаты и даже руководители районов, которые в своих предвыборных речах открыто призывают к возврату в прошлое, давно отвергнутое народом. Что меня больше всего возмутило, это то, что губернатор области не только не пресекает подобное беззаконие, но и защищает таких кандидатов и руководителей районов. Сегодня утром я подписал распоряжение об отстранении губернатора Центрограда Архипова от занимаемой должности как не оправдавшего моего доверия и назначил на его место другого человека, в политической компетенции которого я не сомневаюсь. Я абсолютно уверен, что он мое доверие полностью оправдает и быстро наведет в области нужный порядок. Я дал ему соответствующие указания перед отлетом в Центроград, в частности, я приказал ему обратить особое внимание на Лесковский район. Я только вчера узнал, что мэр Лесков был когда-то киллером. У меня волосы дыбом встали. До какого маразма нужно дойти, чтобы избрать руководителем района киллера! – От возмущения Президент чуть не задохнулся и не сразу пришел в себя. – Надо внимательно посмотреть, не причастен ли он к имевшим место в Лесках убийствам его властных соперников. И уж, разумеется, нельзя его оставлять на должности мэра. Я также дал указание ЦИКУ снять с выборной гонки наиболее зарвавшихся подстрекателей компартии. – Президент обвел присутствующих суровым взглядом. – Я пригласил вас, господа журналисты, для того, чтобы вы в правильном ключе показали вашим читателям происходящие и которые могут произойти в Центрограде события. Я, разумеется, дал указания присутствующему здесь Министру внутренних дел о пресечении там каких бы то ни было беспорядков. – Министр с такой силой подбросил голову, что не по ней огромная фуражка соскочила, и ее по – вратарски у самого пола поймал самый главный генерал. Президент сделал вид, что не заметил, и обратился к нам. – Я готов ответить на ваши вопросы, господа, но думаю, тут все ясно.

Смолчать я, естественно, не могла. Если о Центрограде журналисты мало, что знали, то о Лесках тем более.

– У меня есть вопрос, господин Президент, – подняла я, как школьница, руку.

Он метнул в мою сторону недовольный взгляд и проговорил сквозь зубы:

– Я вас слушаю. Вы кто?

Я вышла вперед и представилась:

– Редактор центроградской газеты «Заре навстречу» Кузина Нина Олеговна. – Невзирая на суровый взгляд, который Президент метнул на руководителя правящей партии, я заговорила, возможно, слегка сбивчиво. – Последний опрос общественного мнения, проведенный нашей газетой с участием представителя Центра Левады в Центрограде и области, показал, что за кандидатов компартии намерены проголосовать свыше 70% избирателей при явке не около 90%. В Лесках эти показатели еще выше. Такой активности избирателей, насколько я знаю,

не было ни в одном регионе России. Кроме того, – поспешила я продолжить, видя, что Президент намеревался возразить, наверное, насчет Кавказа, где традиционно высокая посещаемость, – в нашей Центроградской области, как нигде в России, почти полностью восстановлена деревня, у нас трудно найти пустующий и заброшенный крестьянский дом. У нас самые низкие в стране цены на продукты питания. У нас практически нет безработных, бомжей и беспризорных детей. Для детей у нас...

– И какое отношение имеет все это к тому, что я сказал?

– Самое прямое, так как все наши достижения произошли благодаря деятельности мэра Лесков Константина Верхова, которого я знаю со школьной скамьи. Он...

– А вы помните, – опять перебил меня Президент, криво усмехнувшись, – что сказал Жеглов: «Вор должен сидеть в тюрьме!» Он имел в виду любого вора, независимо от его должности.

– Это Верхов вор? – разозлилась я. – Да таких бескорыстных и преданных народу мэров в России с огнем не сыскать. Он воевал в Чечне, был ранен. А киллером его пытались сделать бандиты по указанию бывшего мэра Лесков. За то, что он отказался убивать, его лишили памяти. На него...

Президент выставил вперед холеные ручки и отрезал зазвеневшим голосом:

– Все, довольно. Время закончено. А что касается вашего друга мэра, я думаю, новый губернатор все учтет при оценке его, – Президент усмехнулся, – как вы говорите, героической деятельности.

– Да, героической! – крикнула я с вызовом. – Если, кто и есть герой нашего времени, то это именно он.

Не привыкший, чтобы ему возражали, Президент бросил на меня злобный взгляд коричневых чуть навывкате глаз и, вскинув назад кучерявую голову, направился к выходу. Многочисленная свита устремила за ним. Кто-то коснулся моего плеча. Надо мной нагнулась Лена и прошептала:

– Тебе надо уходить. Пошли.

Она вдруг стала удаляться, оборачиваясь и глядя на меня из-за головы бугая в черном костюме, который вел ее к двери. А в мое плечо крепко вцепился второй бугай, принуждая куда-то идти.

– Отпустите меня, – попыталась вырваться я. – Куда вы меня тащи...

Договорить мне не дал вернувшийся уводивший Лену бугай, зажав мне рот, и я очутилась в маленькой комнатке без окон с ведрами, вениками и тряпками. Бугаи сняли с моего плеча сумку, и зажимавший мне рот унес ее за дверь. Оставшийся со мной бугай сказал с усмешкой на молодом красивом лице, указывая глазами на дверь:

– Найдут сейчас в вашей сумке дамский пистолет или пачку наркоты, и двадцать лет вам обеспечены.

– Меня, сынок, этим не напугаешь, – возразила я, удивляясь своему спокойствию. – Я смотрела смерти в лицо вот так же, как сейчас в твое. И спас меня этот самый мэр, о котором я говорила Президенту, сам находившийся тогда на грани смерти. Вот, с кого ты должен брать пример служения своему народу, а не быть слепым орудием в руках людей, охраняющих интересы олигархов и элиты. У тебя кто родители?

По тому, как он наморщил лоб и отвел в сторону взгляд, я поняла, что его родители либо из бывших колхозников, либо рабочих и сейчас живут на его деньги.

– Явно не олигархи и не элита, – сделала я вывод вслух. – При советской власти, которую мы хотим восстановить, они не сидели бы без работы. И ты бы был человеком, а не холуем.

Он открыл рот, чтобы возразить, но не успел, так как вошел все тот же бугай и, протянув мне сумку, изрек, что удостоверение и диктофон без кассеты мне возвращают, а мобильник и записную книжку я смогу получить лишь дня через три. Он также продиктовал номер теле-

фона, по которому мне скажут, куда я должна буду подъехать, чтобы забрать свои вещи. У меня чуть не вырвалось, что они могут оставить их себе на память, но, вспомнив, что в записной книжке записаны телефоны и адреса всех родных и старых знакомых, которых нигде больше нет, я записала названный бугаем номер. Да и в мобильнике много нужных номеров. Кстати, его мне на сорокапятилетие подарил Костя. При воспоминании о нем у меня поднялось настроение.

Меня довели до проходной и, не простившись, пронаблюдали, как я вышла на улицу. А на стоянке я увидела почти в полном составе журналистскую братию во главе с Леной. Она же отвезла нас всех к себе домой, где я рассказала о Косте, о Лесках и о своей работе в Центрограде. Может, я была в ударе как рассказчица, но журналисты заинтересовались настолько, что попросили меня держать их в курсе событий, которые произойдут там после этой пресс-конференции. А главное, пообещали протолкнуть меня в своих газетах и телепрограммах. Мы договорились, что связь с ними я буду держать через Лену.

Ах, какие наивные все мы были! Забегу немного вперед и скажу, что из-за меня Лену уволили с работы уже на следующий день, а мой диалог с Президентом не был упомянут ни в одной газете и ни в одном телерепортаже. Не смогла сделать это и я, так как уже вечером того дня редакция моей газеты была опечатана по указанию нового губернатора.

Поэтому эта моя заметка так и осталась бы лежать до лучших времен, если бы ее не отважилась напечатать газета «Лесковские вести».

*Нина Кузина
«Лесковские вести»
23 ноября 2011 г.*

Услышав перезвон мобильного телефона, Верхов поднес его к уху.

– Костя, это Нина. Ты про Архипова уже знаешь?

– Нет, а что с ним? – спросил он с тревогой, подумав о самом плохом. Но на здоровье губернатор вроде бы в последнее время не жаловался.

– Только что прошла пресс-конференция Президента, на которую я случайно попала. Он посвятил ее борьбе с антиправительственными выступлениями на примере нашей области, где, якобы, назревает опасная революционная обстановка. Упомянул он и тебя. Сообщил, что утром уже снял Архипова и отправил вместо него своего человека, дав указание навести в области порядок и, в том числе, разобраться с тобой, а ЦИКу приказал снять с предвыборной гонки наиболее активных коммунистов. Я, как смогла, возразила ему насчет ситуации в области и, естественно, вступилась за тебя. За это у меня отобрали мобильник и записную книжку. Ты тоже будь ко всему готов.

– Спасибо, Нина, за информацию. Учту. Ты не заглянешь ко мне по дороге домой?

– Обязательно. Костя, ты только не расстраивайся, мы не такое пережили, и этот удар выдержим. Я выеду часа через два и в девять-десять буду у тебя. До встречи, дорогой.

– Жду тебя.

Нажав на кнопку телефона, мэр Лесков Константин Алексеевич Верхов закурил и задумался. Задумался и я, как мне дальше его называть, как не знал когда-то, как назвать молодого человека, очнувшегося в лесу без памяти. Тогда я придумал для краткости Мч. А сейчас как? Костя? Вроде как несолидно для мэра, хотя всего лишь тридцатишестилетнего. Константин? Очень длинно. А Верхов как-то не очень для человека, которого мы знаем с детского сада. Тогда попробуем так. В кругу близких друзей наш герой останется Костей, а в официальной обстановке и в серьезных ситуациях, которых у него в этой жизни будет предоста-

точно, мы будем его величать для солидности Верховым. Сейчас наступил как раз такой случай. А дальше, как получится.

Закурив, Верхов подумал, отбивая какой-то марш пальцами по своему рабочему столу: «Началось». Новостью это для него не было при таком главе государства, с которым он расходился абсолютно во всем, что никогда не скрывал, считая его назначение преемником и автоматическое избрание Президентом наихудшим вариантом для России. Просто до сих пор не было веского повода привлечь внимание Президента к Центрограду, неизменно выделявшемуся в последние годы своими достижениями по всем хозяйственным показателям. Таким поводом, стали прогнозируемые результаты новых выборов в депутаты местного законодательства, не устроившие правящую партию, а от нее – и Президента. Вот только интересно, что они смогут сделать против воли народа?

С этими мыслями Верхов, погасив сигарету, набрал номер телефона Архипова. Секретарь Аня, узнав его голос, зашептала в трубку:

– Он дома, Константин Алексеевич. Как всегда приехал в девять, через час ему кто-то позвонил, и он попросил меня принести ему большую коробку. Я принесла, он ее доверху наполнил и велел водителю отнести в машину. А потом оделся, поблагодарил меня за совместную с ним работу и уехал. Попросил, если кто будет ему звонить, говорить, что не знаю, где он. Я тоже собираю понемногу свои вещи.

– Новый приехал?

– Приехал в половине первого. Разозлился, когда узнал, что Олега Трофимовича нет. Повелел мне вызвать к трем председателя избирательной комиссии, начальника УВД, судью и прокурора. И уехал.

– С ним еще кто-нибудь прибыл?

– По-моему, кто-то из Думы и Центризбиркома. Константин Алексеевич, извините, кажется, он идет. Больше не могу говорить.

Верхов был уверен, что вопрос с ним тоже решен. Вот только поступить с ним могут круче.

Только он протянул к телефону руку, чтобы позвонить Архипову домой, как его опередила Катя.

– Костик, ты телевизор смотришь?

– Нет, а что там?

– Только что передали, что снят Архипов в связи с утратой доверия Президента из-за того что в области выступают против правительства. Новый губернатор особое внимание должен обратить на наш район, которым правит бывший киллер. Как я поняла, это о тебе. Он что, совсем с ума сошел? Костик, что все это значит? Я боюсь.

– Ничего ты, глупенькая, не бойся и успокойся. Все будет хорошо. Я сейчас попробую переговорить с Архиповым. А ты через полчаса позвони Эльвире, успокой ее.

– Обязательно позвоню.

К домашнему телефону уже бывшего губернатора подошла Эльвира. Верхов сказал ей:

– Надеюсь, мне не надо говорить, что я с вами. Он как воспринял?

– Не скажу, что спокойно, но без какой-либо паники.

– Трубку возьмет?

– Попробую. Спасибо, что позвонил.

Ждать Верхову не пришлось. Архипов сказал:

– Обо мне не беспокойся. Весь этот сыр-бор из-за тебя. Жди гостей из Генпрокуратуры. На твоём счету денег много?

– Представления не имею. На моей книжке, куда я перевожу зарплату, распоряжается жена. У нее деньги, я думаю, не залеживаются.

После небольшой паузы Архипов проговорил:

– Это все подстроила правящая партия. Никак не хочет никому и нигде уступать. Знает, что у нас махинации не пройдут, вот и вышла на Президента. А тому на то, что у нас народ живет лучше других областей, наплевать, он, конечно, вцепился в то, что народ голосует за коммунистов, его главных врагов.

– Когда – никогда он обязательно обратил бы на нас внимание. Я давно это ожидал. Главное, что народ за нас. Ничего они с нами не сделают. Ну, снимут меня, ну и что? Если уж вы так спокойно восприняли свою отставку, то, что обо мне говорить?

– Ты не прав. Если от моей отставки пострадает лишь моя семья, то твоя отразится на судьбах тысяч людей.

– Основную свою работу с вашей помощью я уже сделал. И буду продолжать, несмотря ни на что. А если потребуется, то и поборемся, мы не пальцем сделаны.

Перед тем, как положить трубку, Архипов заметил с усмешкой в голосе:

– Знал бы Президент, какое недоверие он вызывает у меня.

И тут начались звонки. Все особенно были возмущены тем, что Верхову назвали киллером, и всячески выражали поддержку. И спрашивали, что им делать. Он благодарил за поддержку и призывал к спокойствию. Но они не отставали и стали настаивать, чтобы он их принял и посоветовал, что им делать и что говорить, если к ним кто приедет. Он и сам хотел встречи с народом, так как не мыслил себя без людей, и назначил ее в шесть вечера в конференц-зале мэрии.

Весть о предстоящей встрече распространилась по району быстрее молнии, и в половине шестого все близлежащие улицы были уставлены машинами, даже пришлось перенести встречу во Дворец Культуры станкозавода. И там не всем хватило места. Опоздавшие толпились в фойе у открытых дверей.

В своем выступлении Верхов высказал свое видение происшедшего. Для Президента и правящей партии, сказал он, главное не улучшение жизни народа, как это имеет место в Лесках и Центроградской области, а удержать власть олигархии и элиты, неотъемлемой частью которых они сами являются. Их до смерти напугал прогноз накануне предстоящих выборов.

Когда он коснулся формулировки увольнения Архипова «как не оправдавшего доверия Президента», назвав ее президентским ноу-хау, до сих пор никем не используемой, из зала раздался крик:

– А он сам не вызывает у нас доверия!

Зал бурно зааплодировал.

– А вот это уже не ноу-хау, – сказал Верхов. – Вот и выскажите ему свое недоверие на парламентских выборах в отношении возглавляемой им партии власти.

– Мы-то выскажем, только все равно она победит при подсчете голосов, – поднялся в третьем ряду мужчина с густой седой шевелюрой. Верхов узнал в нем руководителя зверофермы Птицына.

– Ее победа уже предрешена. Я хотел бы ошибиться, но не исключаю, что всех вас вычеркнут из списка депутатов как врагов этого общественного строя.

Зал взревел от возмущения. Многие вскочили, что-то крича, сидевшие тоже кричали, доказывая друг другу или застыв в тяжелом раздумье.

Верхову потребовалось время, чтобы успокоить зал.

– Это лишь предположение, но мы должны быть к этому готовы. Какие у вас будут предложения?

К трибуне решительно направился стоявший у стены председатель молочной фермы Паршин, инициатор создания партии в поддержку Верхова «Возрождение России». Её ЦИК не зарегистрировал, и она в полном составе вслед за своим кумиром присоединилась к коммунистам. Сам Паршин баллотировался в депутаты областной думы.

Подойдя к трибуне, Паршин оперся о нее, обвел зал суровым взглядом и сказал в микрофон так громко, что зазвенели стекла:

– У меня предложение одно: либо наши депутаты остаются в списках, либо на выборы никто из нас не пойдет. Мы их бойкотуем.

– Ох, как ты их напугал! – раздался крик. – Это их только обрадует. Выборы будут признаны состоявшимися даже, если придет десять человек.

– А впишут тысячу! – добавил женский голос.

Опять начался гвалт, и опять Верхову пришлось утихомиривать зал. К его удивлению и радости на сцену поднялась Галина Сергеевна Осипова, жена его бывшего водителя Толи, убитого омоновцами. Она была замом мэра соседнего Козловского района и уполномоченным Верхова по развитию этого района.

Поздоровавшись с Костей кивком головы, Осипова встала рядом с Паршиным.

– Я из Козловки. У нас ситуация аналогичная вашей. По опросу около семидесяти процентов наших избирателей готовы проголосовать за коммунистов. Я считаю необходимым предложение товарища Паршина о бойкоте выборов распространить на всю область. Давайте подумаем, как это сделать. Ваш район в области во всем передовой. Вам и карты в руки в организации бойкота по области. Свой район я беру на себя.

Предложение Осиповой собравшиеся единодушно одобрили. У многих нашлись родственники и знакомые практически во всех районах области. Сам Верхов знал всех руководителей районов, так что проблем с организацией бойкота не должно быть.

Но это будет сделано, если события развернутся по самому плохому сценарию: отстранения кандидатов – коммунистов от участия в выборах.

То, что ничего хорошего его лично и жителей области, тем боле Лесков не ожидает, Верхов понял, просмотрев показанное по второму каналу в девятичасовых вестях выступление Президента на пресс-конференции в Подмоскowie. Катя не могла скрыть слез, услышав, как Президент назвал Костю киллером. Сам он старался забыть об этом, хотя услышанное с болью отозвалось в его сердце. Нину в репортаже, естественно, не показали. Приехавшая чуть позже, она добавила, что помимо ее, из репортажа выбросили также указание Президента Министру внутренних дел при подавлении народных выступлений не делать поблажек женщинам и подросткам.

При Кате Нина постаралась смягчить рассказ о встрече с Президентом, но ничего не скрыла, когда вышла с Костей в коридор покурить. Она была уверена, что снятием Кости с должности мэра дело не кончится, а, учитывая холуйскую ретивость служак, его запросто могут обвинить, как Квачкова, в организации мятежа или бунта против власти, и дело может дойти до ареста.

– Если они тебя арестуют, то уже не выпустят, – была уверена она.

– Ну и что ты предлагаешь? – спросил он. – Раньше времени податься в бега?

– Костя, не знаю. Но до ареста допускать нельзя.

Пока он обдумывал ее слова, она позвонила мужу и узнала, что здание редакции ее газеты «Заре навстречу!» два часа назад опечатали по указанию нового губернатора. Костя и Катя, как могли, стали ее успокаивать. Вдруг она спросила Костю:

– Рогов не побоятся напечатать мой репортаж о пресс-конференции Президента? Лесковцев он очень разозлил бы.

Костя отыскал в мобильнике номер телефона Рогова, главного редактора Лесковских вестей», и передал мобильник Нине. Редактора она хорошо знала. Отойдя в сторонку, она рассказала ему о пресс-конференции. Он, не раздумывая, согласился, а Костя разрешил ей воспользоваться компьютером, и она тут же села писать. Через час приведенная в начале этой книги статья была написана и отправлена по электронной почте Рогову. Через десять минут он позвонил и попросил Нину приехать в типографию. Отвез туда ее Костин водитель Вася, живший рядом. Там она, поработав, прикорнула на диване и вернулась к Косте в восемь утра с толстой кипой готового номера газеты с ее статьей на целую страницу.

Они вместе позавтракали. Нина вдруг раздумала ехать домой. Понимая, что основные события должны произойти в Лесках, она уговорила Костю взять ее с собой на работу. Она была для него, как родная сестра, да он и не видел причины отказа.

Рогов удвоил тираж этого номера газеты и, попросил разносчиков донести газету, помимо подписчиков, в самые дальние уголки района.

В десять утра у Ветрова должно было состояться совещание с директорами Трика (от ООО), как назывались для отвода глаз в районе и области колхозы, скотоводческие и прочие фермы, по вопросу подготовки к севу и другим весенним работам. Когда Нина раньше Ветрова вошла в конференцзал, то увидела у каждого сидевшего «Лесковские вести». Это предусмотрительный Рогов положил кипу газеты на стол регистратора, хотя у многих прибывавших она уже была.

Без пяти десять Верхов только собрался встать из-за стола, чтобы отправиться на совещание, как в его кабинет вошел возбужденный телохранитель Коля со словами: «Рвутся к вам из Центрограда», а за ним протиснулись трое незнакомых людей. Один из них, не намного старше Верхова, приземистый, полноватый и лысоватый с неприметным небритым лицом, одетый в черную блестящую куртку с капюшоном, отороченным дорогим мехом, подошел вплотную к столу и ткнул в Верхову коротким пальцем:

– Ты мэр?

Верхов медленно поднялся и, смерив хама недобрый взглядом, проговорил, не сдерживая гнева:

– Я мэр. Порядочные люди, входя, здороваются и не тыкают до знакомства. А непорядочных я обычно вышвыриваю из кабинета.

С этими словами он вышел из-за стола и направился к хаму. Тот быстро попятился назад и спрятался за спинами более рослых попутчиков, шагнувших вперед. Стоявший от хама справа молодой человек лет тридцати, одетый в длинное черное пальто, с коротко стриженной фигурной бородкой, которая ему очень шла, придавая артистический вид, достал из кожаного портфеля, висевшего на плече, лист бумаги и протянул его Верхову со словами:

– Это распоряжение губернатора Центрограда Фогеля Аркадия Михайловича о введении в Лесках прямого губернаторского правления с временным отстранением вас от занимаемой должности и назначением вместо вас Алтухина Генриха Анатольевича. – Бородач указал кивком головы на хама. – Я, позвольте представиться, следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Щербина Виталий Леонидович. С нами также приехал заместитель председателя ЦИКа Корягин Анатолий Дмитриевич.

Корягин, абсолютно бесцветный во всех отношениях достаточно пожилой человек, одетый во все темносерое, вместо того, чтобы наклонить голову, высоко ее задрал.

Сразу видно, кто есть кто, подумал Верхов, обведя всех троих внимательным взглядом и остановив его на листе. Взяв его в руки, он сказал стоявшему у двери Коле:

– Коля, иди, я разберусь. – Он вернулся на место, сел и пробежал глазами бумагу. – Вовремя вы подъехали. В конференц-зале собрались руководители всех сельхозпредприятий нашего района для обсуждения вопросов по подготовке к весне. Пойдемте, я вас представлю, а вы разъясните цель вашего приезда. Это, чтобы избежать кривотолков.

Алтухин не без опаски выдвинулся вперед и возразил:

– Никаких кривотолков тут быть не должно. Все видели по телевизору выступление Президента.

– И смею вас заверить, что многие из лесковцев мало что поняли, чем конкретно Лески не угодили Президенту и на каком основании он назвал меня киллером.

От возмущения у нового мэра Лесков отнялся язык. Увидев, как он открывал и закрывал рот, словно выброшенная на берег рыба, Щербина поспешил ему на помощь:

– Мы для этого и приехали сюда, чтобы во всем разобраться.

– Вот и воспользуйтесь случаем поговорить с народом.

– У меня другое задание, – помахал рукой перед заметно выступавшим животом Корягин.

– Среди них, кстати, есть кандидаты в депутаты от компартии, которых вопреки всем законам Президент приказал ЦИКУ снять с предвыборной гонки.

Теперь уже Корягин открыл было от возмущения рот, но, взглянув настороженно исподлобья на Верхову, пересилил себя и выдохнул:

– Хорошо, я согласен.

Щербина посмотрел на Алтухина.

– Я бы на вашем месте, Генрих Анатольевич, тоже обязательно пошел. Вам с ними не один день работать.

Чтобы не терять лицо, Алтухин снял куртку и хозяйским взглядом оглядел кабинет в поисках вешалки. Верхов подошел к стенному шкафу у двери и открыл дверцу. Дождавшись, когда разделись остальные, он вышел вслед за ними.

В приемной к нему подошла бледная, с трясущимися губами секретарь Татьяна Петровна и подала ему полученное по факсу распоряжение нового губернатора.

– Я уже в курсе, – шепнул он, прикасаясь пальцами к ее плечу. – Не переживайте, все будет хорошо.

Она с сомнением покачала головой и проводила его тревожным взглядом до двери.

Зал встретил их настороженным гулом. Верхов понял, что присутствующие каким-то образом уже узнали. Это было заметно не только по гулу, но и по гневным взглядам на его спутников, усаживавшихся за председательский стол. Сам он встал сбоку стола.

Когда непрощенные гости уселись, он зачитал распоряжение губернатора и, представив гостей, сказал замершему в зловещей тишине залу:

– Сами понимаете, проводить или не проводить это совещание, теперь решаю не я. Но продолжать работу с вами по подъему сельского хозяйства, если позволят обстоятельства, я, разумеется, буду. А сейчас я вас покину, чтобы освободить место в кабинете для нового мэра.

По дороге к двери его остановил окрик Алтухина:

– Кабинет опечатан! Входить и выносить из него что-либо до окончания работы комиссии категорически запрещено.

От взрыва негодования, словно от ветра, шевельнулись на окнах гардины.

Верхов подошел к Щербине и попросил:

– Вы не пройдете со мной, я заберу свое пальто.

– Разумеется, разумеется, – поднялся следователь.

Топот ног и стук сидений заставили Верхову обернуться. Зал, как по команде, поднялся и направлялся вслед за ним к двери.

За столом раздался крик Алтухина:

– Кто разрешил уходить? Я вас не отпускаю!

– А, пошел ты! – ответил за всех хрипловатый голос директора зверофермы.

В приемной между столом секретаря и дверью сидел на Колином стуле внушительного вида парень. Татьяна Петровна, увидев Верхова, вскочила и вопросительно уставилась на него. Он показал ей жестом, что подойдет к ней, и вслед за Щербиной прошел в кабинет. С вешалки настенного шкафа он снял пальто, а со стола взял сигареты с зажигалкой.

– Мобильный телефон у вас служебный или ваш личный? – спросил следователь.

– Общий. Телефон мой, а за разговоры оплачивает мэрия.

– Вообще-то положено его у вас на время забрать и просмотреть записанные в нем номера.

– Бога ради, только не сегодня. Надеюсь, вы понимаете, сколько будет сегодня мне звонков, и, если я не буду отвечать, они парализуют работу мэрии.

– Хорошо. В крайнем случае, я воспользуюсь справочником секретаря.

– Все, что записано у меня, у нее есть. Ну, я пошел. Успешной вам работы.

Щербина поднял в знак прощания руку и предупредил:

– Постарайтесь не отлучаться из Лесков в течение полутора недель.

– Хорошо, но имейте в виду, что Лесками у нас считается не только город, но и весь район.

Следователь хотел что-то сказать, но передумал и кивнул.

В двери Верхов столкнулся с Алтухиным. Взглянув на его висевшее на руке пальто, мэр хмуро бросил:

– Я вас не отпускаю. Вы мне можете понадобиться.

– Если такое случится, мой домашний телефон есть у секретаря.

– Я вас не отпускаю!

– И не надо. Успешной вам работы я уже пожелал через Виталия Леонидовича.

Верхов повернулся и вышел.

– Константин Алексеевич, – зашептала Татьяна Петровна, когда он подошел к ней, – я не хочу здесь без вас оставаться.

– Татьяна Петровна, успокойтесь. Все уладится. Потерпите.

– Я бы сколько угодно потерпела бы, если бы знала, что вы вернетесь.

– Это вряд ли. Но без работы я не останусь. Захотите перейти ко мне, я вам буду рад.

– Захочу, – обрадовалась она и опять зашептала. – Нину Олеговну сюда не впустил амбал у двери. И не только ее. Она ожидает вас внизу.

Чмокнув ее в щеку, Верхов в сопровождении Коли прошел мимо караулившего у двери внушительного парня и спустился вниз. Нина и Паршин поджидали его у раздевалки. Обратив внимание на их сочувствующие взгляды, он указал пальцем на урну:

– Слезы и сопли прошу сливать сюда. Где остальные?

– Ожидают у машин, – ответил Паршин. – Хотят хоть что-то услышать от тебя. Понять их можно. Сколько ты у нас мэром? Двенадцатый год? И до него еще полгода нами занимался. И все это время мы были с тобой, как телок за маткой. Тогда ты всего на полмесяца исчез, так нас с потрохами сожрали. И сейчас могут. Пойдем, хоть чем-то нас успокой.

– Скажите, чтобы ехали в ФОК Платона. В зале там все поместятся. Я с Ниной чуть позже подъеду.

– Особо не спеши. Нам самим надо определиться.

Едва Паршин исчез за дверь, как к Верхову подбежал запыхавшийся от бега по ступенькам амбал.

– Алтухин приказал вам оставить ему машину с водителем.

Верхов развел руками и проговорил с усмешкой:

– Ну, раз Алтухин приказал, как же ослушаться?

Тепло попрощавшись с расстроившимся Васей, Верхов и Коля сели в машину Нины. Видя ее подавленное состояние, Верхов спросил с нежностью в голосе:

– Ты чего? Это давно следовало ожидать. Да и сколько можно быть мне мэром? На четвертый срок я так и так не собирался идти. Все, что можно было здесь сделать, я сделал. Вспомни, какими были деревни в Лесках двенадцать лет назад. Сплошное кладбище. А сейчас?

– Они опять превратят их в кладбище.

– Вот об этом я и хочу сейчас сказать. Пора народу самому себя защищать и отстаивать свои права.

– А мне как их отстаивать? В суд подать на губернатора?

– Почему бы и нет? Не получится в центроградском суде, подашь в Верховный. Откажет он, обратишься в Страсбург. И привлеки к этому всю свою журналистскую братию. Денег на все твои судебные издержки я дам. Вернее, не я, а Хохлов.

Их появление в спортзале было встречено аплодисментами. Нина поинтересовалась, у всех ли есть «Лесковские вести» с ее статьей. Услышав, что у всех, она попросила, по возможности, снять копию со статьи и ознакомить с ней, как можно больше лесковцев.

– Но с соответствующими комментариями, – добавила она. – А то могут и вправду поверить Президенту, что Лесками правил киллер.

– У нас таких нет, – заверил ее незнакомый мужчина с военной выправкой.

Другие подтвердили то же самое.

Верхов удивился, не увидев сочувствия и растерянности во взглядах на него у присутствующих в зале. Приготовившийся наставлять, что им делать, он немного стусевался, не зная, с чего начать разговор. Его опередил Паршин:

– Мы тут без тебя посоветовались и хотим сказать тебе, что ничего страшного не произошло. Ты как был у нас мэром, так им и останешься. Нового мэра мы не признаем, хотя и будем использовать его, когда нам надо. Что касается выборов. Если наших депутатов отстранят, выборы мы проигнорируем. На совести каждого из нас, я имею в виду присутствующих здесь руководителей хозяйств, будет каждый проголосовавший. Вот, что мы хотели тебе сказать. Да, и вот еще, что. Нельзя исключать угрозы твоего ареста при таких словах о тебе Президента. Доводить дело до твоего ареста никак нельзя. Они могут продержать тебя несколько лет в камере предварительного заключения, переноса суд всякий раз на полгода. Поэтому ты всегда можешь рассчитывать на нас. Если потребуется, мы тебя укроем и, надо будет, уйдем вместе с тобой в леса. В общем, в обиду мы тебя не дадим.

От этих слов у Верхова даже запершило в горле.

– А куда я без вас денусь? – проговорил он, откашлявшись. – Кроме вас, у меня другой защиты от власти нет. Но меня сейчас волнует, как быть с доплатами мэра? Открою я вам секрет или нет, но все доплаты, в том числе и субсидии вам, я производил не из государственной казны. Поэтому с моим уходом неизбежно исчезнут и они, но неофициально я, естественно буду продолжать оказывать вам помощь, с учетом и добавок наиболее нуждавшимся слоям населения, в первую очередь многодетным семьям. Такой список вы мне составьте.

Вперед опять вышел Паршин.

– Мы и этот вопрос коснулись без тебя. Никаких списков для тебя мы составлять пока не будем. Сейчас пенсии и детские пособия и без твоих надбавок не дадут умереть с голоду. Пусть народ знает, кем для них был ты и кем будет для них новый мэр, если он снимет эти надбавки. Если он действительно печется о народе, он должен будет добиться получения денег от государства, которое опять жиреет от цен на нефть. Но мы уверены, что таких денег оно ему не даст.

По одобрителю гулу Верхов понял, что возражать нет смысла. Он сказал:

– Я рад вашему боевому настрою. Для нас сейчас это самое главное. Работать отныне я буду дома. Мой домашний телефон, если у кого нет, – он продиктовал номер. – Номер моего мобильного телефона не называю, потому что его могут отобрать для проверки. Поэтому я не уверен, что и домашний телефон не могут прослушивать. Так что в разговоре будьте осторожны. Лучше будет, если связываться со мной вы будете через Паршина, если он не возражает. Вы не будете против, Петр Трофимович?

– Я буду только рад такому твоему доверию ко мне. Но до выборов трогать тебя мы не будем, потому как нельзя. И ты отдохни, посиди тихо. Поживи с родными в свое удовольствие. Чтобы не было у власти и органов к тебе никакой придирки.

Верхов попрощался с каждым за руку, услышав почти от каждого слова поддержки. Паршину он, на всякий случай, назвал номер Катиного мобильного телефона, предупредив, что и его могут прослушивать.

Нина дала Платону несколько экземпляров газеты со своей статьей, попросив, если потребуется, размножить ее на ксероксе. А Верхов договорился с Платоном, в случае, если ФОК прикроют, не терять связь с бойцами, которые могут в любой момент понадобиться.

Нина захотела попрощаться с Катей и предложила Верхову отвезти его домой. Но в двери они столкнулись с возбужденным Колей. Он радостно сообщил, что на площади полно народа, приехавшего со всего района. Все интересуются, что с Верховым. Кто-то пустил слух, что его арестовали.

– Может покажетесь им, чтобы успокоить?

Верхов вопросительно взглянул на Паршина.

– А надо ли их успокаивать? – возразил тот. – Пусть узнают правду и повозмущаются тем, как тебя, избранника народа, выгнали из кабинета. Мы все пойдем туда без тебя и расскажем об этом. А тебе никак нельзя сейчас высываться, чтобы власти не обвинили в подстрекательстве народа к протесту. Без ОПОНа тут не обойдется, и тебя первым арестуют. Так что езжай домой. Я буду держать тебя в курсе всех дел. Расскажу, как они встретят нового мэра, если он осмелится к ним выйти.

– Я расскажу, – сказала Нина.

Определенная логика в доводах Паршина была, и Верхов не стал настаивать на встрече с народом. Однако он попросил Колю, который успел съездить за своей машиной и повез его домой, проехать мимо площади. Она почти вся была заполнена, а люди все прибывали не только пешком и на машинах, но и на телегах и даже верхом.

Коля указал на человека в черном пальто в начале тротуара, ведущего от дороги к площади.

– Таких чужаков я насчитал больше двадцати. Расставлены они так, что вся площадь ими охвачена. И у всех миниатюрные видеокамеры меньше спичечной коробки. Они их держат в ладони, манипулируя пальцами. Вон, там, слева, видите, еще один, а поближе к мэрии еще. Вас они сразу вычислили бы и засняли каждый ваш шаг и слово. Я подошел к одному из них и, демонстративно сфотографировав, попросил предъявить документы. Он ступешевался и нагло спросил, кто я. Я представился службой безопасности мэрии, показал на расстоянии удостоверение и похлопал в подтверждение по пистолету подмышкой. И знаете, он мне пока-

зал удостоверение службы безопасности при губернаторе. Я поинтересовался, сколько их. Он ответил, столько, сколько надо

– Ну, а ты что ему на это? – забеспокоился Верхов.

– Сказал, что учтем в своей работе.

– Он не спросил, в какой?

– Не спросил, но меня сфотографировал. И слава Богу, что не спросил, а то я бы сдуру мог и проколоться, ляпнув, в какой работе.

– За это молодец. Показывать фээсбэшникам свою удасть глупо. Но за то, что узнал, кто они, спасибо. Мы должны учесть, что против нас брошена большая сила.

Проезжая мимо школы, в которой учился Вадик с Любушкой, они обратили внимание на толпу старшеклассников с преподавателями во дворе.

– Тоже, наверное, на митинг собрались, – сказал Коля. – Учителя точно пойдут. Они за вас горой.

К их удивлению, постового милиционера в будке не оказалось. Сидевшая на лавочке у подъезда старушка рассказала, что час назад подъезжала полицейская машина, которая и увезла постового.

Коля взял у Верхово слово, что из дома он не выйдет и открывать дверь чужим не будет, и уехал на митинг, пообещав вернуться сразу после его окончания.

– А ты почему не там? – встретила его вопросом Катя, показывая глазами на телевизор. – Они хотят тебя видеть.

Костя взглянул на экран и увидел поднимавшегося на возвышение перед мэрией Паршина, Нину, Птицына и Осипову.

– А я хотел видеть тебя, – ответил он, целуя жену в щеку.

По тому, как засияло ее лицо, было видно, как сильно она его любила.

– Пойдем на кухню, я тебя покормлю, – сказала она. – Телевизор там посмотришь.

В ванной, моя руки и глядя на себя в зеркало, он пытался угадать, что Кате было известно. Возможно, она, как и люди на площади хотела знать, что произошло и что будет дальше. Но она, по сравнению с ними, хотя бы знала, что он цел и невредим. В смысле, не арестован, пояснил он сам себе. И ему уже в который раз стало не по себе оттого, что он уклоняется от открытой борьбы из-за боязни ареста. Весь он находился там, на площади, произнося про себя речи перед народом.

Так и не придумав, что ответить Кате на ее вопрос, он прошел на кухню. Но она вдруг озадачила его новым вопросом:

– Если ты уже никуда не пойдешь, может, выпьешь?

– И не пойду и выпью, – ответил он, увеличивая пультом звук телевизора, где Паршину кто-то протягивал мегафон.

Сейчас она все узнает. Больше всего ему не хотелось, чтобы померкла ее радость оттого, что он обедает дома.

– Вы хотите знать, где наш мэр и что с ним? – спросил в телевизоре Паршин.

В наступившей на миг тишине послышался гул голосов, разобрать что-либо было невозможно. Камера остановилась на пожилой женщине в пуховом платке, к которой подбежала девушка с микрофоном, и отчетливо послышался вопрос женщины:

– Он не арестован? Почему он не с нами?

Паршин повернулся к женщине, усмехнулся и бросил в толпу:

– Как я понял, всех вас интересует, не арестован ли Верхов, а если нет, то почему он не здесь? На первый вопрос отвечу: «Пока не арестован». А на второй вопрос вы сами должны знать ответ, если подумаете хорошенько. Если, конечно, есть чем.

– А если нечем? – послышался чей-то мужской голос перед тем, как утонул в гуле в основном от смеха.

Паршин тоже улыбнулся, но ответил серьезно:

– Раз пришел сюда, значит, есть мозги и должен сообразить, что присутствие здесь нашего мэра дало бы им прекрасную возможность обвинить его в организации этого митинга против вчерашнего выступления Президента или на языке закона против власти. Вас бы отпустили по домам, а на него надели бы наручники. Теперь всем ясно, почему он не с нами?

– Ясно! – опять опередил всех тот же мужской голос, на этот раз встреченный не смехом, а одобрением.

– А кто назначен вместо Верхова? Он уже здесь? Почему не вышел представиться народу?

Эти вопросы задал явно для затравки толпы парень с широким добродушным лицом, присутствовавший при встрече с Костей в клубе станкозавода. Костя знал его как лучшего тракториста района и самого молодого многодетного отца в области (ему было всего 26 лет, и в этом году у него родился четвертый ребенок).

– А потому он не выходит к нам и не представляется, что знает нашу любовь к единодушно выбранному Константину Верхову, поэтому и прячется за толстыми стенами.

Камера пробежала по толпе и остановилась на окне кабинета мэра на втором этаже. Какое-то мгновение в окне были видны лица, которые затем быстро исчезли.

– А нуждаемся ли мы в его представлении нам? Что он может нам сказать, как говорится, в свое оправдание? Что Верхов вернется на работу? Не скажет. Скажет, что ни один наш кандидат не будет снят с выборной гонки? Не скажет. Скажет, что выборы будут честными и справедливыми? Обязательно скажет, но только такими они вряд ли будут, потому что в этом случае партия власти их с треском проиграет. Вот поэтом, я думаю, нам нет смысла требовать, чтобы этот человек вышел к нам. Как говорится, он здесь будет сам по себе, а мы сами по себе. Мы без него как-нибудь проживем, а вот как он будет работать без нас – это еще вопрос.

Из толпы слышались крики, но понять, о чем они, было трудно. Костя бросил взгляд на Катю. Она, как ни в чем ни бывало, ставила на стол бутылки, рюмку и бокалы. Однако сияние в ее глазах потускнело.

– Может, завтра съездим на Колину дачу или к Пашиным родителям, – спросила она, наполнив вином свой бокал и затем наблюдая, как он делает «кровавую Мэри» из водки и томатного сока.

– Это мысль, – ответил он и чуть округлил глаза, увидев на экране «мороз» вместо толпы и Паршина, начавшего рассказывать о введении в Лесках и области губернаторского правления. Разумеется, они не могли допустить трансляцию на пол-области этого безобразия. Игоря Юрьева за это опять уволят. Жаль талантливого парня.

– Переключить? – спросила Катя, поднимая бокал.

– Сейчас чем-нибудь заменят. Ну, давай выпьем за все хорошее, что нас ожидает.

– Главное, чтобы мы все были живы и здоровы. Чтобы дети нас радовали

Они чокнулись и выпили. А на экране появилось название киностудии и сцена захвата кого-то ОПОНОм. Костя заметил:

– Раньше в таких случаях запускали «Лебединое озеро», а сейчас ОПОН. Готовят людей к его появлению в Лесках.

– Только, чтобы не повторилось то, что было в Лесках после вашего похищения, – вздохнула Катя. – Толю жалко.

Костя ел любимый им борщ, не чувствуя вкуса: был там, на площади. Наблюдавшая за ним Катя это поняла.

– Костик, не ходи туда. Что даст людям твое там появление? Как бы они ни хотели, а не смогут защитить тебя от ОПОНа, если он объявится? А если окажешь сопротивление, могут и изувечить. ОПОН сейчас другой, полицейский, обученный специально против народа. Тогда бюро «Щит и меч» было намного сильнее, и в основном оно дало отпор омоновцам.

Но Костя уже не мог сопротивляться самому себе. Он выпил еще рюмку водки без сока, быстро доел второе и, поцеловав Катю, вышел из кухни. Она последовала за ним и наблюдала, как он доставал с антресоли коробку с масками, приготовленными для него Вероникой Максимовой двенадцать лет назад. Там не было лишь маски Ивана Спиридоновича, на всякий случай разгримированной. Но не успел Костя превратить себя в стриженного громилу охранника, как квартиру заполнил ставший мгновенно оглушительным гул. Он и Катя вышли на лоджию и увидели пролетающую над домом вереницу снижавшихся вертолетов.

– Легки на помине, будь они неладные, – проговорила Катя. – Ну, куда ты теперь пойдешь? У тебя в гараже бомбардировщик стоит?

Костя насчитал девять вертолетов, а вдаль показались еще два. Он живо представил, как омоновцы будут стаскивать с трибуны могучего Паршина, нагибая его гривастую голову, и у него зачесались руки.

Когда гул стих, они услышали в передней мелодию звонка и стук в дверь. Посмотрев друг на друга, они подумали об одном и том же. Если бы не жена рядом, Костя обязательно задумался бы: открывать или отстреливаться до последнего патрона.

– Я пойду, спрошу, кто там? – спросила Катя.

– Нет, я сам.

К их облегчению, за дверью стоял запыхавшийся Коля.

– Слава богу, застал вас, – проговорил, отдышавшись, он. – Вам туда никак нельзя.

Он рассказал, что Татьяна Петровна подслушала, приложив на кухне к стене тарелку, разговор, за что можно арестовать Верхову прямо сегодня. Им нужны позарез доказательства его участия в организации проходившего на площади незаконного митинга. Идеальным вариантом для них было бы его выступление с призывом неподчинения власти, чтобы арестовать его сразу после митинга, но не при людях, а лучше дома, где можно произвести еще и обыск с подбросом компромата. Если же сегодня арестовать его не удастся, то они будут искать в его выступлениях призывы к насильственному свержению нынешней власти. Какому-то Грибакину было поручено отыскать причастность Верхову хоть к какому-нибудь убийству в районе. Еще говорили о прослушивании его разговоров в квартире, машине и по всем телефонам. Затем один из них позвонил куда-то и попросил ускорить прибытие спецназа для разгона митинга, но тут в дверь кухни постучал новый охранник. Она наврала ему про свое женское недомогание и отлучилась якобы в аптеку, а сама позвонила Коле и, встретившись с ним, все ему рассказала. Коля хотел передать услышанное Паршину, но тот выступал, он ознакомил Нину, а сам поехал сюда.

– Вам туда никак нельзя, – повторил он. – Я уверен, что они уже вас пасут. На той стороне припаркована «тойота» с затемненными стеклами и с не лесковскими номерами. Могут быть они. Не вздумайте туда пойти. Я скоро опять приеду и все расскажу.

Костя не успел поблагодарить Колю, как тот уже бежал вниз по лестнице.

Нина готовилась выступить после Паршина и рассказать людям об истинных причинах внезапного отстранения Верхову от работы и о намерении его арестовать. К ней вдруг подошел Игорь Юрьев. Они обнялись. Его хмурый вид ей не понравился.

– Что случилось? Что-нибудь с трансляцией митинга?

– Уже двенадцать минут, как его не показывают. Я опять уволен.

– Рассказывай.

И он рассказал. Трансляция митинга по телевизору шла полным ходом, когда в студию вошли трое и, сунув Игорю указ губернатора Центрограда о введении в Лесках прямого его правления, потребовали прекратить показ митинга. Игорь стал возражать, но один из них умело разъединил нужные шнуры и стал просматривать диски с фильмами для замены митинга. Игоря известили, что он уволен, и, сопроводив в кабинет, отпустили две минуты на сборы.

– Вот и выступишь после меня, – сказала Нина. – Расскажешь народу об этом беспределе.

Ее слова заглушил быстро возраставший гул в небе. Люди на площади, словно оцепенев, наблюдали, как вертолеты садились вокруг площади, и из них выпрыгивали одетые во все черное, включая темную маску, омоновцы с прозрачными щитами и, не теряя ни секунды, словно провели немало здесь тренировок, окружили ровным забором с метровой ширины зазором площадь с трех сторон. Четверо заняли места под окнами здания мэрии. Когда люди опомнились, у многих возникло желание убежать, но оно быстро исчезло при виде живого забора, а больше из-за чувства единения с другими людьми, заставившее их еще больше уплотниться.

Когда гул последних приземлившихся вертолетов стих, над площадью раздался громкий голос из репродуктора, извещавший участников митинга о том, что указом исполняющего обязанности губернатора Центрограда господина Фогеля о введении в Лесках губернаторского правления мэр Верхов отстранен от занимаемой должности и вместо него назначен господин Алтухин, приступивший к своим обязанностям. Данным указом запрещалось проведение в Лесках и районе митингов, собраний и сборищ людей свыше 10 человек на площади 100 тысяч квадратных метров без особого на то разрешения господина Алтухина. К нарушителям будут применяться принудительные меры вплоть до заключения под стражу.

После небольшой паузы, предоставленной, очевидно, для осмысления людьми услышанного, голос продолжил: «Учитывая, что данный митинг организован до ознакомления населения Лесков и района с вышеуказанным указом, господин Алтухин, в виде исключения и доброй воли, принял решение не предпринимать принудительных мер к участникам данного митинга. Для этого вы обязаны покинуть площадь до 15.00 включительно. Лица, обнаруженные на площади после указанного срока, подлежат задержанию и соответствующему наказанию».

Нина, стоявшая на возвышении, хорошо видела, как те, у кого были часы и мобильники, стали смотреть время и подсчитывать, сколько им осталось до свободы. Те, у кого не было ни того и ни другого, спрашивали у соседей, который час, и тоже занялись арифметикой.

Она и Игорь не были исключением. У них получилось 18 минут, отпущенных на освобождение площади от пятитысячной спрессованной толпы.

Не сообразив, много или мало им отпущено, толпа пришла в движение. Стоявшие по бокам площади направились в стороны, но, наткнувшись на омоновцев, остановились, не рискнув воспользоваться щелью между ними, и завертели головами в поисках выхода. Им оказался трехметровый проход в сторону дороги. На самом деле он оказался еще уже, так как люди старались держаться подальше от омоновцев, образовавших коридор до дороги. Создалась давка, и послышался истошный женский крик.

– Товарищи, спокойно! – пронесся над площадью зычный голос Паршина. – Кого и чего вы испугались? Они же этого только и хотят, чтобы мы от страха в штаны наложили. Поэтому не бойтесь не поспеть в отведенное специально, чтобы напугать нас, время. Всех они не пересядают, не хватит тюрем. Не они здесь хозяева, а мы, лесковцы. И не им указывать нам, когда нам заканчивать обсуждение жизненно важных для нас вопросов. Два из них на сегодня являются самыми главными для нас. Это возвращение на свою работу нашего мэра Верхова. И второе: недопущение снятия с предвыборной гонки наших кандидатов – коммунистов. Предлагаю включить в резолюцию митинга эти наши главные два требования. Кто за, поднимите...

Слово «руки» Паршин выкрикнул без мегафона, но люди расслышали, а кто не услышал, догадался, и над площадью возник лес рук. Их подняли даже те, которые покинули площадь,

и остановились, а, увидев, как, как два мужика в черных куртках пытались завернуть Паршину за спину руки, повернули назад, на площадь. Их подстегнул оживший мегафон, прокричавший голосом Птицына:

– Руки прочь от Паршина! Не уйдем, пока не отстанут от него!

Но на это требование охранникам власти было наплевать. На помощь мужикам поспешил третий в черной куртке, низкорослый и черно бородатый, который ухватил двумя руками седую гривастую голову старика и стал клонить ее вниз. Но не так-то легко было справиться троим с могучим русским богатырем, всю жизнь работавшим на земле и впитавшим ее силу. Он сцепил на животе руки и на миг поднял голову вместе с бородатым. Увидев его красное от натуги лицо, Нина не выдержала и бросилась ему на помощь с криком: «Что вы вытворяете? Он же вам в отцы годится! Оставьте его!» Она попыталась оторвать руки бородатого от головы Паршина. Тот освободил одну руку и отработанным в спортзале движением вонзил ей локоть в живот.

Нина упала, как покошенная. К ней подбежали Игорь и Осипова и стали ее поднимать. Она была без сознания.

Герой – спортсмен даже не взглянул на упавшую Нину и опять повернулся к Паршину. Но вцепиться в гриву старика он не успел, так как был поднят за шиворот и сброшен с помоста. Это проделал многолетний тракторист. Затем он подошел к мужикам, пока еще не добившихся успеха в борьбе с Паршиным и, ухватив руку одного из них, резким движением оторвал ее от руки старика. Мужик оторвал вторую руку и стал засовывать ее во внутренний карман куртки, очевидно, за удостоверение. Но тракторист не стал дожидаться представления губернаторского посланника или фээсбэшника, а отшвырнул его от себя и также ловко повторил аналогичную операцию со вторым мужиком. На этот раз ему помог сам Паршин. Однако не успели они перекинуться парой слов, как увидели вбегавших на помост новых чужаков. Один из них подбежал к Нине и сходу приказал:

– А ну поднимайся!

Сидевший на полу и державший голову Нины Игорь поднял голову и проговорил зло:

– Ты, что, урод, не видишь, что она без сознания? Лучше вызови «Скорую!».

– Сейчас и тебе будет «Скорая» за уroda, – пригрозил мужик и поспешил к Птицыну, кричавшему в мегафон:

– Не уйдем с площади, пока не отстанут от Паршина! Все сядем и ляжем! Все сели и легли! Свободу Паршину! Руки прочь от Верховца!

Толпа, наблюдавшая за борьбой Паршина с мужиками и видевшая, как упала Нина, в одном порыве стала опускаться на асфальт. Опоновцы попытались не пропустить возвращавшихся на площадь, но на этот раз люди не побоялись просачиваться сквозь окружение, а когда их хватало, падали на землю.

Нина между тем открыла глаза и спросила:

– Паршина отпустили?

– Отпустят, отпустят, – проговорила Осипова, помогая вместе с Игорем Нине встать. – Народ не даст его арестовать.

Нина увидела сидевших людей и улыбнулась. Она спросила Игоря:

– Снимать продолжают?

Он кинул и пояснил:

– Украдкой. Как вы себя чувствуете? Может, вам лучше уйти?

– Чтобы я сейчас ушла? Да ни за что! А вот тебе здесь находиться не следует. Здесь всех нас могут забрать. Тебе лучше спуститься вниз и при любых обстоятельствах обеспечить съемку и ее сохранность. Сделай это, я тебя прошу.

– Понял, сделаю.

Игорь коснулся Нининого плеча и спрыгнул вниз.

– Лесковцы! Не посралим Земли Русской! Встанем на ее защиту от капиталистов и либералов! А ну, лапы прочь, сволочь!

Это Птицын крикнул на мужика, протянувшему руку к мегафону. Но мужику удалось – таки вырвать мегафон, и над площадью пронесся его отборный мат. Услышав его, мужик от неожиданности выронил мегафон, который подхватил взобравшийся на помост сбоку молодой директор коневодческой фермы, переехавший в Лески из Летного. Он поднес мегафон ко рту и громко запел чуть хриповатым голосом:

Вставай, страна разгромная!
Вставай на смертный бой
С демшизной силой темною,
С зажавшейся ордой!

К стоявшим под окнами прилетевшим опоновцам подбежал мужик в длинном черном пальто и в шляпе и что-то крикнул, указывая на помост. Все четверо рванули с места, держа перед собой одной рукой щит и другой дубинку. Возле ступенек помоста они слышали быстро приближающийся рёв сирены и на мгновение остановились, обернувшись на начальника в шляпе. Тот тоже недоуменно прислушивался к сирене, но махнул рукой, чтобы опоновцы выполняли приказ.

А над площадью неслась песня, наполнявшая людей решимостью и отвагой:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная...

На этот раз песню прервалась из-за удара дубинкой по лицу коневода. Из носа и расщеченной губы хлынула кровь. Он был невысокий, но крепко скроенный. Зажав левой рукой рот и нос, он подпрыгнул и врезал кулаком в черную морду. Кто-то подставил ногу отлетевшему назад опоновцу, и он рухнул на деревянный пол. На площади раздались хлопки, смех и выкрик «Так его!»

На помощь своему бросились два опоновца, и втроем они начали избивать коневода дубинками, повалив на пол. Четвертый опоновец ударом по голове Паршина помог мужикам наконец завернуть его руки за спину, после чего пошел раздoleваться дубинкой по всем подряд. Нина вновь получила удар по животу и опустила на колени.

И вдруг в звуки ударов и стонов вклинился резкий командный голос:

– Отставить!

В центре помоста стоял Безусяк в мундире полковника, увешанном орденами и медалями, а напротив каждого опоновца стоял такой же опоновец, только не в черном комбинезоне, а в светло зеленом защитном, но в такой же черной маске, короче, лесковский ооновец. Аналогичное противостояние было и вокруг площади.

Один из опоновцев выхватил пистолет и направил на своего соперника. В ту же секунду пистолет был направлен и на него.

– Отставить! – повторил Безусяк и, подойдя к Нине, поставил ее на ноги. – В поликлинику не надо?

– Трудности нас только закаляют, – улыбнулась она.

Он тоже улыбнулся и, оставив ее на попечении Осиповой, подошел к Паршину, которого все еще держали два опоновца, согнув под прямым углом. Полковник бесцеремонно отстранил мужиков и выпрямил старика.

– Тебя тоже в поликлинику не надо везти?

Ответить Паршину помешал бородатый герой – спортсмен, ставший советью Безусьяку красное удостоверение. Не глядя в него, полковник громко сказал:

– Пока я обеспечиваю в Лесках правопорядок и нарушать его не позволю никому. И обижать народ не позволю. – Он подошел к опоновцу, державшему в руке мегафон, забрал его и крикнул в толпу. – Всем подняться! Не вы должны стоять на коленях перед властью, а она перед вами, народом.

На помост вбежал запыхавшийся мужик в шляпе и закричал на Безусьяка:

– Вы что себе позволяете? Я подполковник ФСБ Кутепов! Да я вас разжалую! Да вас...

– Молчать! – рявкнул Безусьяк. – Сначала дослужи до полковника, а потом командуй мной. А ну пошли к новоиспеченному мэру. Не будем мешать народу изъяслять свою волю. Петр Трофимович, продолжайте вести митинг.

Внизу Безусьяка ожидал Есаков, и вместе с Кутеповым они направились к дверям мэрии. Но едва за ними закрылась дверь, как репродуктор вновь заорал: «Внимание! В связи с тем, что наш приказ не был выполнен к назначенному сроку, что является грубейшим нарушением правопорядка в условиях губернаторского правления, площадь подлежит принудительному и незамедлительному освобождению».

Опововцы, стоявшие как на помосте, так и в оцеплении, подняли головы и, и как один, спешно направились в обе стороны от площади. Испарились с помоста и с площади и чужаки – фээсбэшники.

Наблюдавшая за всем этим Нина не имела представления, что последует дальше.

Не догадывались об этом и люди на площади и за ней. И уж тем более не имели представления о том, что их ожидает только что прибывшие на митинг, чьи машины были остановлены опоновцами на подъезде к городу. Оставив машины на дороге, они пробирались дальше окольными путями. Как раз им и пришлось испытать первыми обещанное новым мэром принуждение, о причине которого они не имели представления. Поэтому и не обратили внимание на приближавшиеся с двух сторон к площади пожарные машины.

Но машины приехали гасить не огонь, а народное недовольство.

Все было просчитано до минуты. Машины приблизились к площади на расстоянии пятидесяти метров как раз в тот момент, когда репродуктор громко объявлял о возмездии, заглушая гул машин. Тем неожиданнее оказались для людей последовавший сразу после выключения репродуктора одновременный рев сирены и мощные струи воды, обрушившиеся на них с двух сторон. Только что поднявшиеся после слов Безусьяка были сбиты с ног и падали на не успевших подняться. Упали и многие из опоновцев, продолжавшие стоять вокруг площади, защищая митингующих. Находившиеся по бокам помоста люди мгновенно были смыты вниз.

При падении Нина ударилась локтем и закричала зубами от боли.

– Теть Нин, теть Нин, что с вами? – услышала она чей-то голос.

Она повернула голову и увидела Вадика. Она не сразу узнала его: он повзрослел, и голос у него изменился. В легкой куртке, без головного убора, насквозь промокший и дрожащий от холода, он стоял перед ней на коленях и испуганно смотрел на нее.

– Ничего, Вадик, ничего. Ты зачем здесь и так легко одет? Тебе надо срочно домой. Ты же простудишься.

– Не простужусь. Нас полкласса здесь. Вы не знаете, где папа?

– Должен быть дома. Час назад он уехал с Колей. И тебе надо срочно домой.

– От вас я никуда не пойду. Только мне не нравится просто сидеть. Это какое-то пассивное сопротивление.

– Придет время, будет и активное. А сейчас что мы можем сделать против...

Хлынувший сверху ливень заставил ее умолкнуть. Это обе струи, повалив людей, поднялись вверх и на миг скрестились, накрыв площадь водопадом. Затем струи разошлись, одна вдруг повернула в сторону мэрии, виднув к окну мэра и на секунду задержавшись на нем, после чего обрушилась на стоявших в стороне опоновцев. Щиты они приставили к деревьям, прикрыться ими не смогли и тоже начали падать. Кто-то из них попытался приблизиться к пожарной машине, но был отброшен назад направленной струей.

Вторая струя также развернулась, но в другую сторону и, нырнув вниз, повторила экзекуцию с другой группой опоновцев. К ним машина была ближе, и поэтому им досталось еще больше. Некоторые из них побежали в сторону площади, где были встречены гигиканьем и свистом людей.

Люди стали подниматься. Но никто не уходил, и все с нескрываемой радостью смотрели на обливаемых опоновцев. Их внимание привлек также гул вертолетов, которые один за другим начали подниматься и уходить от площади, вызвав дополнительное волнение среди опоновцев. Несмотря на струю воды, они повернули головы в сторону вертолетов, а несколько из них побежали к месту их недавней стоянки. К тому же сначала одна струя, затем другая вдруг стали отползать к машинам и исчезли. Теперь уже почти все опоновцы побежали к машинам и в догонку вертолетам, не забыв прихватив щиты.

На помосте вновь появились Паршин, Птицын, Осипова, тракторист и с разбитым лицом коневод.

– Товарищи! – раздался громкий слегка осевший голос Паршина. – Этот день мы долго не забудем. Власть вновь продемонстрировала свою к нам ненависть. Некоторые из вас проведут несколько дней в постели дома или в больнице. Но к выборам, я надеюсь, вы придете в норму и достойно их встретите, как мы и договорились: единодушно бойкотировать их, если наши кандидаты будут вычеркнуты из списков. Мы также передадим новоявленному мэру наше требование губернатору о восстановлении Константина Верхова в должности мэра Лесков. А теперь все по домам. Просьба к участникам митинга, проживающим в городе, приютить и обогреть приезжих сельчан.

Обо всем этом Костя узнал от Нины и Вадика, рассказывали они по очереди, отогревшись в ванной. Нина упор сделала на требования митингующих и сражении Паршина с фээсбэшниками, а Вадик захлеб рассказал о том, как пожарные машины поливали холодной струей опоновцев.

– Кто это сделал? – удивился Костя.

– Не знаю, но оба герои. Вот бы узнать, кто. Представляю, что с ними сделают опоновцы, когда узнают, кто.

Не догадывалась и Нина, кто и что заставило пожарников направить струю против опоновцев.

Этот же вопрос Верхов задал и пришедшему намного позже Коле. Тот приложил палец к губам и ответил:

– А я все это время футбол смотрел. «Спартак» опять продул «Рубину».

Рассказал он в коридоре, куда они, включая Нину, вышли покурить.

Выйдя из подъезда, он прошел мимо машины с не лесковскими номерами, но ничего не услышал. Отойдя метров сто, он перешел дорогу и, перешагнув ограду, приблизился к этой машине, перебегая от дерева к дереву, высаженных еще в советские времена. Заднее боковое окно машины оказалось приоткрытым, и из щели валил сигаретный дым. Непонятно, чему обрадованный, Коля отогнал от себя хулиганскую мысль попросить у них прикурить и поспешил к площади.

Но буквально через пять минут от его радостного возбуждения не осталось и следа. Недалеко от поворота к мэрии его внимание привлекли две пожарные машины, возле которых со стороны тротуара стояли трое оживленно разговаривавших мужчин. Двое ему показались явно приезжими из команды ошивавшихся на площади фээсбэшников. У Коли напряглось внутри, как не раз бывало в минуту опасности. Так же, как и у дома Верхова, он приблизился к мужчинам, прикрываясь деревьями. Третьего, стоявшего у передней машины к нему лицом, он узнал, хотя и не был с ними знаком. В небольшом городе практически со всеми жителями хоть раз да встретишься. Узнал он и четвертого, выглядывавшего из открытой двери кабины.

Уже не опасаясь быть увиденным, Коля подобрался к мужчинам как можно близко и прислушался.

– Значит, твердо оба отказываетесь? – спрашивал один из чужаков.

– А как еще? – ответил стоявший лесковец. – Там все свои. И мой Артюха, может, тоже там. И его я сбивать с ног буду?

– Даже тысяча вас не прельщает?

– Да хоть три.

– Увольнение тоже вас не пугает?

– Это мы еще посмотрим. Нас заменить не так легко.

Второй чужак молча подошел к машине, обошел ее спереди и залез в кабину. Машина загудела, и через полминуты из установленного на крыше кабины сопла вырвался плевок воды, улетевший метров на семьдесят. Затем сопло повернулось влево, вправо, вверх и вернулось в первоначальное положение вперед. Чужак вернулся и сказал напарнику:

– Обойдемся без них. Баки полные? – спросил он лесковца.

– Под завязку.

– Смотри, отвечаешь головой. При полном напоре бак расходуется за 8 – 10 минут? Так?

– Ну, где-то так.

Чужак что-то сказал напарнику, и тот проговорил громко:

– Можете быть свободны.

– А машины пригоните сюда?

– Сюда, сюда. С собой мы их не заберем.

Последние слова Коля не слышал – уже был далеко. Метрах в двухстах он остановился и выяснил по телефону у Димы, есть ли у него пожарники. Таковые оказались, причем двое находились рядом с ним. На встречу с Колей пришло трое, одетых в черную форму и черные шапочки – маски. Один комплект такой одежды они принесли для Коли. Переодеваясь, он поведал им свой план. Дальше, как говорится, было делом техники. Они немного опоздали, когда машины уже уложили митингующих.

Они подобралась к машинам с противоположной стороны от чужаков за рулем. В кабины полезли одни пожарники, а Коля с другим охранником их подстраховывал. Одного заартачившегося чужака пришлось вырубить, и дальше управлял машиной пожарник. А второй чужак все сделал, как ему приказали. Когда напор упал, и струя уползла в сопло, пожарники спокойно покинули кабины и вместе с подстраховщиками скрылись.

О том, кто угнал вертолеты, Коля не знал, лишь догадывался, что без участия Димы и его охранников там не обошлось.

Нина уехала рано утром. Перед уходом она отвела Катю на кухню и долго что-то ей говорила, на что та лишь кивала. Затем они обнялись, и Катя сунула Нине банку с вареньем.

– Только ты не переживай, – напутствовала перед тем, как сесть в машину, Нина Костю. – Тебе уже есть, чем гордиться. Я уверена, тебе еще больше предстоит сделать. А обращать внимание на дурака Президента – много ему чести.

Глядя на ее осунувшееся лицо с заметно проступавшими морщинками, он проговорил с нежностью в голосе:

– Я-то мужик. Ты о себе подумай. Не пора ли тебе успокоиться? Олег, наверное, ждет, не дожидается, когда вы вернетесь в Летное?

– И не говори. Грозится даже жениться и родить, чтобы заставить нас вернуться.

– Он дружит все с той же девушкой, с которой приезжал ко мне в прошлом году?

– Не знаю. У них сейчас все по-другому. Не как у нас. Но, если у него кто родится, я с радостью стану бабушкой. А до этого я еще повоюю за тебя и себя. За тобой я буду следить и чуть что, сразу приеду. Не обижайся, если буду звонить каждый день.

– И звони и приезжай, я буду только рад.

– И вот, что. Они правы. Тебе сейчас никак нельзя высовываться. Попридержи себя хотя бы до выборов. Ими займутся без тебя.

Он почувствовал в себе какую-то опустошенность, может быть, впервые после той ночи, когда проснулся без памяти. Конечно, нынешнее его состояние, было несравнимо с тем, и все же ему было не хорошо. Он чувствовал, что у него начинается новый этап его жизни. Единственное, что он твердо знал: этот этап будет нелегким, и к нему надо быть готовым во всеоружии.

На следующий день была суббота. Всю ночь шел второй снег, ложившийся уже на мерзлую землю, а значит, надолго. Чтобы отвлечься, Костя созвонился с Женей и предложил ему съездить в Колину деревню. Катя и Оля ездили туда регулярно, а мужьям все было недосуг. Женщины, узнав об этом, захотели присоединиться к ним, взяв с собой и детей, тем более что Любушка и Николка в субботу не учились, а шестикласснику Вадику разрешили пропустить уроки. Дети были несказанно рады, так как за домом был крутой берег реки, и лучшего места для лыжников и саночников нельзя было придумать.

Костя и Женя, расчистив двор от снега и наколов для русской бани дрова, в кои годы уселись за шахматы, с трудом припоминая дебюты. Не дав доиграть партию, женщины позвали их к столу. В самый разгар застолья, когда, напившись, словно дворники в день полочки, они запели под гитару, к ним прибежала Марфуша, выдавшая матерные частушки про демократию. Самая приличная из них оказалась вот эта: «Во всех бедах виноваты либералы – демократы. Они – в рот бы их е..ать – лишь умеют воровать». Катя, знавшая Марфушу с пеленок, как добрую и скромную тетю, не верила своим ушам.

Мужчины проснулись поздно, с несвежими головами. Катя предложила им опохмелиться, но они не были алкоголиками: от одного вида водки их воротило, – и лечились крепким чаем. Однако в обед к ним приехал Дима с новостями, заставившими их выпить, но на этот раз хмель их не брал.

Дима рассказал, что в девять ему позвонила Татьяна Петровна и передала приказ мэра срочно прибыть в мэрию. Там она представила его новому начальнику РОВД по фамилии Борзов, который заявил, что бюро «Щит и меч» переходит в его распоряжение на время действия чрезвычайного положения. Дима спокойно возразил:

– Нас оно никаким боком не касается. Мы работаем по договорам с фирмами.

– Все отменяется на период правления и переходит в подчинение губернатору.

– Воровство, грабежи и рейдеры тоже?

– На криминал будет распространяться закон военного времени.

– Расстрел на месте? – усмехнулся Дима. – Только не забудьте предупредить бандитов об этом.

– Для острастки можно одного – двух и расстрелять. Такое разрешение получено.

– Только ли в отношении криминала? Или еще кого? – встретив внимательный взгляд Борзова, Дима беззаботно продолжил. – Вы так и не сказали, чем вы намерены занять моих охранников. Это будет их первый вопрос. И будет ли сохранена зарплата? Кто будет ее выплачивать? Директора фирм вряд ли раскошелятся.

– Заставим.

– Это надо заранее обговорить. Но на главный вопрос, какую работу вы намерены возложить на сотрудников бюро, вы так и не ответили.

Борзов, крупный полнеющий мужчина лет пятидесяти с холемым лицом кабинетного чиновника, еще внимательнее посмотрел на Диму и сердито бросил:

– Что прикажут.

Дима покачал головой:

– Так дело не пойдет. Мы люди вольнонаемные, а не на госслужбе.

– Вы прежде всего патриоты России.

– И ее народа, – добавил Дима.

Лицо Борзова исказила гримаса, словно Дима сообщил ему большую неприятность. Ответил он не сразу, видно, обдумывал, что сказать.

– Смотри, какого народа. Он легко поддается влиянию и поэтому им надо управлять, как лошадью, иначе он может уехать не туда, куда надо.

– Весь вопрос в том, куда его заставляют ехать. Как я понял, вы хотите использовать моих охранников для усмирения народа. Я правильно вас понял?

На этот раз пауза была еще длиннее. Борзов знал, что каждое его слово будет передано сотрудникам бюро «Щит и меч». Он также был осведомлен об их активном участии в сражениях четырехлетней давности против ОМОНа и хотел на этот раз привлечь их на свою сторону. Но он понял, что сделать это с таким их руководителем не удастся. Он вынул из кармана бумажку и, заглянув в нее, спросил:

– Греков Дмитрий Сергеевич. Правильно?

Дима достал свое удостоверение и прочитал:

– Греков Дмитрий Сергеевич. Правильно.

Борзов впери в Диму свирепый взгляд и прошипел:

– Я посмотрю, как ты запоешь в камере с уголовниками. Пошел вон.

– С удовольствием, – сказал, поднимаясь, Дима.

– С удовольствием запоешь или с удовольствием ушел? – спросил Женя.

Но Косте было не до шуток. Он спросил Диму:

– С вертолетами прокола не будет?

– Все продумано до мелочей. У всех железные алиби.

Дома Верхов просмотрел номера звонивших телефонов. Некоторые номера он узнал, но перезванивать не стал: наверняка хотели выразить ему поддержку, в которой он больше не нуждался, так как уже успокоился и лишь обдумывал варианты своего трудоустройства. Первое, что ему пришло в голову и к чему он пришел окончательно, перебрав все варианты, – пойти на станкозавод, на чьем счету находились деньги Нагорного. Имея к ним доступ, он сможет распоряжаться ими не от мэрии, а от... А вот, от кого или чьего имени, это лучше его должен был знать Хохлов.

Вдруг тот сам позвонил и спросил сходу:

– Ко мне не надумал идти? Я бы с радостью предложил тебе свое место, да боюсь, не понравится это многим моим субпоставщикам и покупателям: очень уж сурово охарактеризовал тебя Президент. Я все обдумал. Будешь директором-распорядителем благотворительного фонда завода. Оклад будет хороший, во всяком случае, не меньше, чем у мэра.

Верхов сразу согласился, но уехать на завод ему не дали звонки. Не успел он одеться, как позвонил по Катиному телефону Архипов:

– Только что состоялся разговор, с кем, не по телефону. До выборов можешь спать спокойно. Они боятся, что твое задержание всколыхнет не только Лески, но и область, и поставит окончательно крест на их победе на выборах, так как ей никто не поверит. Сейчас они даже хотят вернуть тебя до выборов в мэрию. Думаю, поддаваться на эту уловку тебе не следует. Мэром при этом Президенте тебе все равно не быть, а оказывать им услугу не стоит.

– Я и не подумаю, потому что уже устроился к Хохлову на станкозавод.

– Молодец! Главное, не сиди без дела. Я тоже подумываю где-нибудь пристроиться.

– Если не побрезгуете быть представителем по Центрограду и западным районам области Благотворительного фонда завода, я буду очень рад.

– Название очень удачное. Я подумаю, если не найду что-нибудь попроще типа должности управдома или председателя садового товарищества.

– Подумайте, Олег Гаврилович. Я буду рад продолжить работу с вами.

Затем с разрывом в минуту позвонил Безусяк и сообщил, что вчера вечером в городскую гостиницу прибыли около пятидесяти человек в составе проверочной комиссии, назначенной губернатором, после чего спросил:

– А насчет меня и Есакова уже знаешь?

– Нет, а что?

– Временно отстранены от работы на период действия губернаторского правления. Кроме нас, также отстранены судья и спикер, и опечатана редакция газеты «Лесковский вестник». Юра сейчас изучает, имеет ли Губернатор такие права. И насчет тебя, избранника народа, тоже.

– Ко мне примешан Президент. Это он ему приказал.

– Ну и что? Мало ли что придет ему в голову? Юра советовался с кем-то в Москве, есть смысл подать в суд на Президента за то, что он обозвал тебя киллером. Наш суд, ясное дело, откажет, а Страсбург?

– И он откажет, потому что такой Президент для Запада подарок.

– Но попытка – не пытка, что-то ответить они должны, а Нина Кузина придаст это широкой огласке.

– Нинину газету тоже опечатали.

Безусяк выругался:

– Твою мать, демократия в действии.

– Не мою мать, а его, – обиделся Верхов за свою мать, которая была для него святая, как дева Мария для верующих.

О том, что «Лесковский вестник» опечатали, Верхов тут же проинформировал Нину. Но она уже знала от Игоря Юрьева и, в свою очередь, «порадовала» Костю сообщением, что сегодня утром Игорь и директор Лесковского ТВ отстранены от работы за показанное вчера интервью с ней по телефону о пресс-конференции Президента.

Он пожалел, что из-за пьяного загула пропустил ее интервью.

На станкозавод он отправился после обеда. Там его встретили, как близкого человека, и, что больше всего его тронуло, без каких-либо намеков на сочувствие и соболезнование – просто радовались его приходу, словно давно ждали.

До конца рабочего дня Хохлов вводил его в курс дела. Костя был поражен порядку в учете денег Нагорного и глубокой их тайной, приблизиться к которой не могла ни одна ревизия, так как на балансе завода они не числились. Вместе с тем, с их скрытой помощью финансовое состояние завода было настолько прочным, что не возникал вопрос, откуда у него бра-

лись деньги на благотворительную помощь мэрии, на которую, в случае необходимости, мог сослаться мэр. Однако, с уходам из мэрии Верхова, эта ниточка обрывалась, и мэрия оказывалась лишь на бюджете государства. А это означало, что лесковцы, в зависимости от их финансового состояния, не дополучат от двух до пяти тысяч рублей. Для глубинки и тем более для деревни они были хорошей прибавкой к окладу, пенсии и пособию. Самое неприятное для нового мэра оказалось то, что выплата мэрских прибавок производилась в первых числах месяца, совпав с его приходом и с кануном предстоявших выборов.

Уже вчера Хохлов должен был отправить первые переводы для бюджетников, но не отправил. А сегодня предстояла отправка других надбавок. Следуя договоренности с руководителями хозяйств, Верхов, скрепя сердцем, дал указание Хохлову заморозить все надбавки за этот месяц.

Бухгалтер мэрии не заставила себя ждать. Приказным тоном она повелела Хохлову немедленно перевести деньги, иначе она пожалуется новому мэру, на что он ответил, не скрыв усмешку:

– Деньги мне давал старый мэр. Не стало его – не стало и денег. Теперь пусть их ищет новый мэр.

Больше она не звонила.

Появившемуся в двери Верхову полковник обрадовался, как ребенок. Они обнялись и украдкой провели рукой по глазам: слишком многое их связывало за двенадцать лет совместной работы. Если Верхова Безусяк не раз выручал в минуты смертельной опасности, то встреча майора милиции с парнем без памяти полностью изменила его жизнь.

– Кем бы я был сейчас без тебя? – подвел итог их тогдашней встречи полковник, когда они уже хорошо выпили. – Даже, может, и стал бы начальником Лесковского отделения, только вряд ли, скорее всего, спился бы. Важно не это, а то, что в пятницу я со своими бойцами не осмелился бы выступить в защиту митингующих. Ни один из них не испугался наказания за это вплоть до увольнения со службы. Ни один!

– Что с ними будет?

– Пока лишь допрашивают. Я велел им валить все на меня, мол, я им приказал и баста! Но, как я слышал, они говорят наоборот, будто это они меня заставили. Вот что важно. И во всем этом я вижу твою заслугу. – Безусяк сделал вдруг злую гримасу и стукнул по столу кулаком. – Да как он посмел так тебя выставить перед всей страной! Он же по сравнению с тобой никто, сопля из носа второклассника. Кем бы он был при советской власти, при его курином уме и малограмотности? Да ему учить фэзэушников не доверили бы! Я помню, какие у нас там преподаватели были. Не ему чета. Как сейчас помню учительницу русского языка Лидию Ивановну, которая на каждом уроке выкраивала время, чтобы нам что-нибудь почитать из русской классики. Она читала так, что мы, сорванцы, слушали, затаив дыхание. Она на всю жизнь привила мне любовь к книгам и критичное отношение к ним. Я с первой странице определяю степень талантливости автора. Недавно в какой-то газете я прочитал выступление Президента на открытии Большого театра после многолетнего ремонта. Твою мать! Да он по-русски говорить нормально не может. Назвать сокровищницу русской культуры брендом мог только безмозглый пижон. А он же – Президент России, где пока еще государственным языком является великий и могучий русский язык. А при таких Президентах он может превратиться в прозападную половую тряпку. Вон уже урод Швыдкой доказывает, что современной России Пушкин не нужен, устарел, мол, а изучать надо Пастернака и Бродского. Читал я их обоих. Да они нашему Александру Сергеевичу в слуги не годятся. – Безусяк усмехнулся, вспомнив слугу из «Капитанской дочки». – Да, нет, кажется, я его обидел. Значит, не годятся они Пушкину все-таки в подметки. Но шутка шуткой, а безграмотность Президента особенно

отчетливо проявились в переименовании нас в полицейских. Нет в русском языке существительного «полицейский». А есть приложение, полицейский чин, офицер, мундир. Это наверняка учитывали умные люди, называя народных защитников правопорядка милиционерами, а не милицейскими. Тогда уж, если тебе так невтерпеж быть и тут ближе к любимому Западу, то, учитывая русский язык, вместо полицейского назови нас милиционерами, ничего, что режет слух, со временем привыкли бы. Или, с учетом уже имевшегося опыта, сделай нас полициями. Лесковцы, ты знаешь, сразу ухватились за господина полицая. Мои бойцы чуть не в слезы; «Как реагировать?». Хотели даже дубинки в ход пускать. Я сказал: «Отвечайте, что вы, как были товарищами милиционерами, так ими и остались». И что ты думаешь? Народ перестал издеваться. Я так и не понял, с какого припеку милиция влипла в эту перетрубацию и для чего ее переименовали. Для искоренения в ней коррупции? Вот еще одно доказательство безмозглости Президента. Был бы умным, знал бы, что коррупцию искореняют не переименованием, а устранением того, что ее порождает. А породил коррупцию в милиции навязанный России строй власти денег и наживы. И пока он будет процветать у нас в стране, будет процветать и коррупция во всех органах правопорядка. Мы же ничем не отличаемся от других. А должны отличаться чистотой и честностью, как было в свое время, когда про нас говорили «Моя милиция меня бережет» от бандитов и прочего отребья. А сейчас нас заставляют беречь не народ, а власть от народа, приравнивая его к бандитам и прочему отрепью, а народ приказывают стеречь, в смысле пасти. Но мои бойцы по-прежнему продолжают беречь народ. Не знаю, сколько они без меня продержатся. Главное, обрабатывают их по одному, возводя поклеп на других, мол, все уже раскололись. Давай выпьем за них, моих бойцов – товарищей.

До Безусьяка тоже дошли слухи, что Верхов находится под постоянным наблюдением и все его разговоры прослушиваются. Узнав, что их квартира в субботу пустовала, когда дети были в школе, полковник настоятельно советовал поискать в ней жучки и видеокамеры, и назвал места, где они могли быть.

Верхов сам уже думал об этом, но вчера вечером это как-то выскочило у него из головы. Зато сегодня обещал заехать Дима, наверняка заглянет и Коля, а они в этом деле мастера и ему помогут.

Первым приехал Дима. Пока ожидали Колю, он рассказал, что следователь весь день просматривал дела охранников, выискивая умеющих водить вертолеты и знающих пожарное дело. Пятерых уже вызвал завтра на допрос в прокуратуру, но ребята обеспечили себе железные алиби.

Перед уходом следователь посоветовал Диме уговорить ребят дать признательные показания, что облегчит их участь. В противном случае им грозит от пяти до десяти лет. Дима спокойно возразил:

– А чего это вы именно к нам прилипли? У нас есть военный городок, где полно летчиков. Есть и пожарное депо. Там у вас шансов найти угнавших вертолеты и пожарные машины намного больше.

– Сходим и туда. А вообще-то, молодой человек, зарубите себе на носу, что вопросы задают следователи, а не им.

– Учту. Но все же интересно, чего вы к нам-то прилипли?

Последние слова Димы слышал пришедший Коля и рассмеялся. Дима велел ему знаками помолчать, а вслух проговорил:

– Ты говорил про какую-то машину с чужими номерами напротив дома. А не видят ли они сейчас нас?

Втроем они облазили всю квартиру и отыскали пять жучков и две видеокамеры. Радость от первой находки сменилась после последней всеобщим гневом. Коля взял одну видеокамеру,

один жучок и со словами «Я им сейчас покажу!» выскочил из квартиры. Во дворе он подошел к своей машине и, достав из багажника битую, решительно направился к воротам. Но не успел он выйти из них, миниавтобус с чужими номерами нервно задвигался назад – вперед и перед самым его носом рванул вперед. Коля успел лишь взмахнуть в метре от него битой.

Наблюдавший за всем этим из лоджии вместе с Катей Ветров (Дима, увидев Колю с битой, убежал ему на помощь) подверг сомнению вернувшемуся Коле его поступок:

– Завтра они будут на другой, но уже местной машине. И потом их там несколько человек. Могли тебя изуродовать, а то и убить. И тебя, Дима тоже.

– Это мы бы еще посмотрели, кто кого, – возразил Дима, явно оправдываясь перед Колей за то, что не вышел сразу вместе с ним. – Так они обязательно поступили бы, если бы действовали по закону. А они его грубо нарушали, вторгаясь в частную жизнь. Это даже они, наделенные всеми правами губернатором, хорошо понимали, поэтому и удрали.

Они еще раз обошли всю квартиру, прикидывая, где еще могли быть спрятаны жучки и видеокамеры, и вроде бы пришли к выводу, что ни одно подозрительное место не упущено. Катя уговаривала парней остаться поужинать, но они извинились, сказав, что хотели бы сделать это дома, что им редко удается. Коля попросил Катю не оставлять квартиру пустой ни на минуту. Она пообещала.

Во вторник утром Коля встретил Верхову у подъезда и сказал, что ни ночью, ни сейчас подозрительных машин поблизости он не обнаружил.

Весь вторник прошел сравнительно спокойно, не считая слежки за машиной Верхову, но она его мало волновало. Его беспокоила судьба кандидатов- коммунистов. Неужели их снимут перед самыми выборами, когда они не успеют оспорить в суде? Хотя уже на опротестование фактически не осталось времени.

Звонок Щербины застал Верхову в среду по дороге на станкозавод.

– Константин Алексеевич, прошу вас немедленно прибыть в мэрию.

– Понимаете, какое дело, – возразил Верхов. – Я еду на работу, Устроиться на нее после такой моей характеристики Президентом, поверьте, мне было нелегко.

– Но, насколько я знаю, вы еще здесь не взяли расчет. Дело в том, что Генрих Николаевич серьезно занемог, и губернатор принял решение вернуть вас на работу.

– А я, к сожалению, не могу. На новой работе меня просто не поймут. Спросят, что мы разменная пешка? Извините, Виталий Леонидович, никак не могу.

– Но это приказ губернатора.

– Насколько я знаю, увольнять без согласия он вправе, а назначать – вряд ли. А я согласия не даю.

– Это ваше последнее слово? Надеюсь, вы понимаете, что своим отказом вы ставите крест на своей дальнейшей карьере в Центрограде?

– На моей карьере по всей стране поставил крест Президент. Так, что крест губернатора мне уже не страшен.

– Дело ваше. Лично я бы настоятельно посоветовал вам все же вернуться в мэрию.

– За трудовой книжкой я обязательно приду.

– Не только за трудовой. У нас к вам будет масса вопросов по результатам проверки.

И они уже есть.

– Я всегда к вашим услугам.

Причину «внезапной болезни мэра» прояснил Верхову Хохлов. Ему вновь был звонок от бухгалтера мэрии. Она рассказала, что уже третий день мэрию осаждали лесковцы. Пер-

выми были коммунальщики, получившие меньшую зарплату. Несколько бригад сантехников и водителей уборочных машин отказались выйти на работу. За ними последовали дворники. Но достали мэра его же сотрудники, потерявшие меньше других, но и им лишние две тысячи карман не оттягивали. Их недовольство усилилось тем, что мэр отказался их принять. Многие до сих пор даже не видели его в лицо.

Бухгалтер поинтересовалась, с кем Верхов договаривался о переводе доплат.

– Что вы ответили?

– Ответил, что не имею представления, с кем ты договаривался о переводе денег на спецсчет заводского банка. Посоветовал ей сказать мэру, чтобы он запросил деньги для бюджетников у правительства. А еще ей сказал, что на очереди пенсии и детские пособия. Она наверняка все это мэру выложила, а он – губернатору, и тот, во избежание бунта перед выборами, решил тебя вернуть. Вот только не знаю, согласовывал он это с Президентом или нет. Хотя не думаю, чтобы он пошел на это сам. Возможно, убедил, что твой возврат всего на неделю позволит погасить не только недовольство меньшей зарплатой, но и снятием коммунистов.

– Все-таки думаете, их снимут?

– Уверен. Тут, как я понимаю, у них отступления не может быть.

От бухгалтера Хохлов узнал, что новый мэр продолжает работать. О том, что тот болен, она не слышала. На вопрос, чем он занят, ответить она не смогла. С коллективом мэрии он незнакомился, никого к себе, кроме нее, не вызывал. Постоянно при нем находятся двое, с кем приехал. Каждый день к ним без стука приходят какие-то люди шпионского вида группами по 2—3 человека. Очевидно, для них Татьяна Петровна печатает списки избирательных участков, кандидатов по ним, руководителей хозяйств и размножила карту Лесковского района. Хохлов поинтересовался, что бухгалтер имела в виду под словами «шпионского вида». Она пояснила, что все приходящие к мэру мужчины приблизительно одного возраста в пределах сорока лет, в одинаковых темных куртках с капюшонами, многие в темных очках.

– Их же сразу засекут, где бы они ни находились, – недоумевал Костя. – Как вычислил их Коля на митинге.

– Они и не таятся. Своей одинаковостью они создают впечатление, что они везде, чтобы вызвать страх у населения.

Появились эти люди и на заводе в среду после обеда. На вахтера их удостоверения не подействовали, и он позвонил Хохлову. Тот приказал пропустить. В кабинет вошли двое, совпадающие с описанием бухгалтером: не старше сорока, в черных нейлоновых куртках и оба в одинаковых темных очках. Отличались они лишь ростом: один был выше и тоньше, второй – ниже и толще. Второй был чуть старше не только по возрасту, но и, вероятно, по званию, так как говорил в основном он. Хотя себя и напарника представил одинаково полномочными представителями губернатора области. Его фамилию Передунов (с ударением на второй слог) Хохлов мысленно сразу превратил в Пердунова также с ударением на второй слог. Поддалась переделке фамилия и второго из Аблаткина в Заплаткина.

После представления, сопровождаемого длинной паузой, наверняка отпущенной для того, чтобы директор завода пришел в себя, Передунов снял с плеча портфель, положил его на приставленный к столу Хохлова длинный стол для совещаний, сел, вынул два листа и протянул Хохлову.

Директор взял листы и, глядя на них, направился к своему креслу. Усаживаясь, он показал рукой, чтобы гости тоже садились. Но они уже сидели и оглядывали кабинет.

На одном листе Хохлов увидел перечень сумм, которые подлежали немедленному переводу в мэрию и другие организации на выплату надбавок. На втором листе было обращение губернатора к руководителям фирм и предприятий Центрogradской области с требованием

обеспечить 100-процентное участие сотрудников на выборах и голосования за кандидатов партии власти.

подавив усмешку, Хохлов взял ручку и, перевернув первый лист, проговорил с серьезным видом:

– Диктуйте адреса спонсоров, которым я вышлю расчетный счет для перевода денег на надбавки.

Передунов поднял густые рыжеватые брови, компенсирующие недостаток волос на верху головы, его непонятного цвета, близкого к цвету бровей, глаза округлились, он нервно задышал, но быстро взял себя в руки, нахмурился и не ответил, а спросил:

– Какие еще спонсоры? А вы кто?

– Я? Я наемный директор завода, а не олигарх. Если вы имеете в виду завод, то его спонсорство состоит в том, что он обеспечивает работой полгорода и принимает самое непосредственное участие в создании макроструктуры города и деревень. Что касается денег, которые мы переводили мэрии и другим организациям на надбавки к зарплатам, пенсиям, пособия детям и инвалидам, мы получали их от спонсоров, которых нам называл уволенный губернатором мэр Верхов. Где он их отыскивал и как их уговаривал дарить деньги, не имею представления. Теперь это дело нового мэра. Завод не будет возражать продолжать иметь у себя спецсчет средств, получаемых от называемых новым мэром спонсоров. Список организаций, которым мы переводили деньги, у нас сохранился. В их числе есть и мэрия.

– Дайте списки спонсоров, переводивших вам деньги.

– Не могу. Это были конфиденциальные списки с постоянно менявшимися спонсорами.

– Мы наделены полномочиями для получения любой информации.

– Списки эти никакого отношения к бухгалтерии завода не имели и по указанию Верхова были уничтожены.

– Спонсоров новый мэр безусловно найдет, но на это потребуется время. А сейчас, во избежание недовольства населения непосредственно перед выборами, господин Алтухин просит ваш завод срочно перевести из своих собственных средств указанную на переданном вам списке деньги. Они будут учтены в последующих расчетах с вами.

Хохлов взглянул на лист и покачал головой.

– Вы смеетесь? Такая сумма в свободном обороте завода мне лишь во сне может принестись.

– Не прибедняйтесь. Мы хорошо знаем ваше финансовое положение, которому можно только позавидовать. Указания губернатора достаточно для перевода мэрии этой суммы.

– Все не достаточно. Никто не может приказать заводу это сделать. Мы частное предприятие.

Выдержав изучающий взгляд Передунова, Хохлов беспечно отложил злополучный лист и стал изучать второй.

На этот раз он не стал скрывать усмешку.

– А здесь что я должен сделать? Как я понимаю...

– Мы не закончили по первому вопросу, – оборвал его Передунов. – Вы зря думаете, что ваш отказ останется без внимания для вашего завода и для вас лично. О нем я немедленно доложу господину Фогелю, а он – Президенту. Уверяю вас, что последствия для завода и лично для вас будут самые печальные.

– Кто бы сомневался. Но нам не привыкать. А вот для вас они, кажется, не очень привычны. Я имею в виду митинг на прошлой неделе и начавшееся открытое недовольство народа, вызванные неразумными словами Президента о нашем мэре и последовавшее за этим его снятие. Во что выльются последствия новых решений по Лескам, не буду гадать, но новому мэру не позавидую.

– Угрожать надумали? – угрожающе сдвинул брови Передунов.

Хохлов стукнул ладонью по столу.

– На тему перевода денег разговор окончен. По выборам тоже ничем помочь вам не смогу.

– Не нам, а России.

– Вот именно. Я уверен, что лесковцы проголосуют, как нужно не вам, а России, патриотами которой они все являются.

Передунов засопел, перебарывая подступивший гнев. Переборов, проговорил хмуро:

– Но пускать на самотек нельзя. Вся ответственность за итоги голосования рабочими станкозавода, ляжет на вас как руководителе.

– Интересно, как другие руководители заставляют своих сотрудников проголосовать за партию власти, если они не хотят, называя ее партией жуликов и воров?

Неожиданно в разговор вмешался второй уполномоченный, до сих пор лишь переводивший глаза с Хохлова на напарника и поддакивая ему.

– Помимо доверительной агитации коллектива на собрании и с каждым в отдельности, существуют следующие меры принуждения...

– Кончай, – оборвал молодого Передунов. – Не видишь, с кем имеешь дело? Это он для смеха поинтересовался. Никого он агитировать не будет, а если и будет, то против власти. – Он защелкнул портфель и, поднявшись, предупредил Хохлова. – Мы походим по заводу без сопровождения.

– Бога ради.

Через полчаса после их ухода Хохлов заглянул к Верхову.

– Были они у меня, – сказал Костя, – вошли без стука, представились полномочными представителями губернатора, уселись и лишь потом поинтересовались, кем я работаю. Черт дернул меня за язык назвать себя. Вы бы видели их реакцию. Их лица окаменели, они проглотили слюну, переглянулись и молча вышли, столкнувшись в дверях. Так гадюка их не напугала бы, как я.

– Ты был первым, к кому они зашли. И последним, – улыбнулся Хохлов. – Больше они никуда не пошли, а покинули завод. Ты у них отбил всякую охоту разговаривать с рабочими. Я думаю, встреча с ними, половина которых коммунисты, тоже не доставила бы им радости.

В четверг число недовольных уменьшением зарплаты возросло за счет работников образования и здравоохранения. Лески забурлили. Люди нарочно собирались кучками больше десяти человек, в том числе и в самой мэрии. Ее работа была фактически парализована.

В конце работы по мэровскому мобильнику, которым Верхов в последние дни практически не пользовался, позвонил Щербина. В его голосе не было и намек на вежливость. Поздоровавшись, он решительно потребовал привезти немедленно этот самый мобильник. Заезжать в мэрию Верхов не захотел, и они договорились, что телефон он передаст по дороге домой Васе.

Верхов с удовольствием обнял Васю, с которым за четыре года объездил всю область. Первым делом Вася поинтересовался, не возьмет ли Верхов его к себе. Тот пообещал поговорить с Хохловым и намекнул, что пока он нужен по работе в мэрии. Вася понял и тут же рассказал о прибывших в Лески мужиках, которых развозят по деревням. Трех из них вчера Вася отвез в Сосновку. Двое были полицаями, один в чине капитана и другой – майора. Из их разговора он понял, что работают они в каком-то особом отделе «Э» полиции, и в их задачу входит выявление смутьянов и настроения среди крестьян. Но основная их цель – убрать коммунистов из списков кандидатов и обеспечить победу правящей партии на выборах, для чего к ним подсоединили представителя областной избирательной комиссии. Особое внимание они намерены обратить на пожилых людей, в первую очередь, на старушек.

– Я хотел им сказать, что зря они судят о наших деревнях по России в целом, – добавил Вася. – У нас еще те старушки, отошьют их так, что им мало не покажется. Но промолчал, чтобы не подумали, что я прислушиваюсь к их разговору и что-то понимаю. Да, я забыл сказать, что они упоминали какой-то автобус, который будет курсировать между деревнями и пополнять число проголосовавших до шестидесяти процентов, но не больше общего числа избирателей и тем более жителей деревни. А то, говорили, такое где-то было.

Верхов поинтересовался, у кого полицаи остановились.

– У старост, – ответил Вася.

– Каких старост? Ты имеешь в виду председателей колхоза?

– Вы что, не знаете, что Алтухин уже назначил в каждой деревне своего человека в должности старосты? Как в оккупацию немцами. Председателям колхозов он приказал обеспечить старост жильем. Как я слышал, кому-то из них были выделены пустые дома, а кого-то временно поселили у одиноких старушек. Тех троих я отвез в отдельный дом. Староста им очень обрадовался и сразу стал жаловаться на плохой прием его жителями.

Расставшись с Васей, Верхов хотел тут же позвонить Паршину, как на мобильник Кати позвонил он сам и сообщил, что в один избирательный сельский участок поступили бюллетени без кандидатов-коммунистов, хотя официально об их отстранении от участия в выборах заявлено не было. На другие участки бюллетени еще не поступали. Услышав о разговоре с Васей, Паршин предположил, что один участок, возможно, выбран для пробы, чтобы узнать реакцию населения. Верхов поинтересовался, назначили ли ему старосту и приехали ли полицаи, о которых говорил Вася.

– Староста приехал позавчера, я его поселил у одной бойкой старушки за неимением свободных домов. Запросил у меня список сельчан и все еще его изучает. А сегодня к нему двое каких-то пожаловали. Мне еще не представлялись.

– И не представлятся. Осталась пятница. В субботу агитация уже прекращается. Не могут же они отстранить вас за день до выборов или вообще не объявлять, а поставить избирателей перед фактом в день голосования.

– У нас, Константин, все возможно. Я тебя вот зачем побеспокоил, несмотря на договоренность. У тебя есть на примете хороший юрист? Свяжи меня с ним, я хочу согласовать с ним наши, я имею в виду, кандидатов – коммунистов, наиболее целесообразные с точки зрения закона действия.

– Сделаю, Петр Трофимович. Я вам позвоню.

Первым делом, Верхов связался с Есаковым. Тот пообещал все сделать, а Верхова настоятельно попросил Паршину не звонить и не вмешиваться в события, которые, как ему подсказывает чутье, произойдут в Лесках в эти дни.

Но Верхов все же позвонил Паршину, однако мобильник того оказался недоступным. Домашний телефон не отвечал. Через час позвонил Есаков и пожаловался, что ни он и ни юрист тоже не могут связаться с Паршиным. Он был уверен, что оба телефона заблокированы. Они договорились подождать до утра, и, если связи по-прежнему не будет, послать к Паршину гонца.

Однако все прояснилось раньше. В одиннадцать вечера Верхова разыскала по городскому телефону жена Паршина. Плача, она сообщила об аресте мужа два часа назад. Он поставил во двор машину и пошел закрывать ворота. Тут его и взяли, не разрешив даже попрощаться с ней, стоявшей на крыльце. Его силой затолкали в машину с темными стеклами и увезли в сторону Центрграда.

– Ты уж, сынок, извини, что я звоню прямо тебе, – сказала она. – Кроме тебя, я другой защиты не знаю.

Ошарашенный Верхов не знал, чем ее утешить, и пообещал все сделать для освобождения мужа.

Вот только, что для этого нужно предпринять, он не имел представления. Не брать же штурмом СИЗО, да и как его отыскать.

Он опять позвонил Есакову, а также Безусяку, попросив их хоть что-нибудь прояснить. Первым отозвался полковник, выяснивший, что в местном и близлежащих СИЗО Паршина нет, и никто из работников РОВД не слышал о его аресте.

Есаков перезвонил лишь через два часа. Представившись адвокатом Паршина, он поднял на ноги всех, вплоть до начальника ФСБ Центрограда, и разузнал, что арестован Паршин ни много, ни мало за «за организацию массовых протестных противодействий существующему государственному строю».

– Вы в самом деле намерены быть его адвокатом? – спросил Верхов.

– Разумеется, намерен. Я предупредил их всех, что они играют с огнем. Они отвечали, что в период губернаторского правления ни о каких протестных выступлениях не может быть и речи. Если они все же будут, правоохранительным органам будет дано право подавлять их всеми доступными средствами. Доверительно советовали мне защищать не протестующих, а власть. Я потребовал свидания с арестованным, мне отказали, сославшись на то, что еще не определено место его содержания. Вот такие дела на сей час, Константин Алексеевич. Завтра буду настаивать на встрече с Петром Трофимовичем. Человек он дерзкий на язык, хочу предостеречь его от необдуманных слов, которые могут усугубить его положение. Буду держать вас в курсе.

– Спасибо вам, Юрий Павлович. Попробую хоть как-то успокоить жену Паршина.

Успокоить ее Верхову не удалось, но ее порадовало, что муж не оставлен без внимания больших людей, каковыми для нее были бывшие мэр, начальник милиции и прокурор. На вопрос, кому она сообщила об аресте мужа, она ответила:

– Всем. Вся деревня сейчас у меня во дворе. Утром все взрослые собираются ехать к вам в город и требовать освобождения Пети. В Доме Культуры школьники пишут плакаты. Как мне только что сказали, из других деревень тоже собираются завтра ехать.

В половине восьмого утра опять же на мобильный телефон Кати позвонила Осипова из Козловки. Спросив, что известно насчет Паршина, она затем сообщила, что ее и еще двоих коммунистов выкинули из списка кандидатов. Поинтересовалась, как в Лесках в целом. Об этом Верхов пока еще не знал, но сказал, что, судя по тому, что в город съезжаются со всех деревень, там то же самое.

– У нас тоже начали съезжаться. Будем бороться, Константин Алексеевич. В том числе и за вас.

Утром по дороге на работу Верхов обратил внимание на стоящую недалеко от поворота к мэрии вереницу полицейских машин, затем ему навстречу прошли четыре огромных автобуса с номерами Центрограда. Хотя их окна были плотно занавешены, ему показалось, что людей в них не было, и это удивило его: где высадили опоновцев, и были ли они? Если автобусы были пустые, то зачем гнать их сюда? И куда? У него промелькнули ответы, но он их отбросил, как крайне нежелательные.

Он сам напросился у Хохлова поручить ему связь завода с существующими вспомогательными и мелкими производствами и создание новых не только в Лесках, но и в других рай-

онах. Директор с радостью согласился, дал свои предложения, и Верхов тут же с энтузиазмом взялся за дело. От работы его оторвал звонок Безусяка.

– Ты где сейчас?

– На заводе. А что?

– Вот и сиди там, как сурок, и не вздумай пойти на митинг.

– Значит, он все-таки начался, несмотря на запрет?

– Как сказать. Площадь оцеплена приезжими опоновцами со щитами. Всех, приближавшихся к ним они избивают дубинками. Но люди все прибывают, пока только городские. Колхозников, как мне доложили мои бойцы, не пропускают в город. Там тоже их избивают. Самое страшное, что защитить людей некому. У моих бойцов, включая ОМОН, оружие, как тогда отобрали, так и не вернули. Официально они не уволены, проходят проверку на лояльность, о результатах которой не имеют представления. Сказали, объявят, кого оставят, а кого уволят, после проверки всех. Меня одного сразу отправили в отставку. Я старик, мне пора на пенсию. А им до нее еще долго, если уволят, на что жить? Но все равно спрашивают сейчас у меня, что им делать, идти на митинг или нет. А что я посоветую? Наплевать на работу? Сказал, решайте сами, идти вам или нет, быть с народом или нет. Но сам я, сказал, пойду, потому что не могу допустить избиение народа.

– А я, значит, могу, так, Геннадий Борисович?

Безусяк вдруг перешел на крик:

– Тебе сейчас ни в коем случае нельзя высовываться! Тебе что, не сказали, что твои фотографии имеются у каждого полиция и опоновца, не считая фээсбэшников. Им надо отработать твою характеристику Президентом. Так, что сиди и не рыпайся. Я все сделаю за тебя! А ты сиди! И домой один не езжай на своей машине. А поедешь с кем, как-нибудь загримируйся. Все. Разговор закончен. Я тебе позвоню.

Выйдя в час обедать, Верхов не увидел в коридоре ни одного человека. Он заглянул в несколько служебных комнат и отметил, что все они были пусты. Заглянув в приемную, он спросил у секретаря Зины, где все люди.

– Так они все же на митинге, Константин Алексеевич.

– А Виктор Васильевич?

– Тоже там. Одна я, как дура, сижу.

– Не одна. Я тоже, как дурак, один сижу

– Вам нельзя туда. Виктор Васильевич мне строго-настрого велел за вами следить и никуда не отпускать, только домой.

– Тогда я пошел домой.

– Вы меня не обманете?

Верхов оглядел молоденькую и пухленькую в его вкусе Зину и улыбнулся.

– Честно? Вас, Зиночка, я бы обманул с большим удовольствием.

Глядя на смутившуюся девушку, он вдруг увидел сидевшую на полу Елену Николаевну и державшую на коленях залитую кровью голову Пети. Это она привела Зину перед уходом на пенсию. И не ошиблась. Зина оказалась такой же сообразительной и исполнительской, и Верхов был уверен, такой же отважной в нужный момент.

Он быстрыми шагами направился в столовую. Там было непривычно свободно, если не сказать пусто. Пообедав, он поднялся к себе, оделся и спустился в гараж, где стоял выделенный ему Хохловым Форд с затемненными стеклами. На этой машине он еще не ездил. Но завелась она без проблем.

Он проехал мимо стоявшей во дворе своей машины и, оказавшись на улице, направился в сторону центра. Шедшие впереди по тротуару двое мужчин и женщина остановились и неуверенно протянули к его машине руки. По полевому загару их лиц он догадался, что это были колхозники. Какое-то время он боролся с собой, но любопытство взяло верх, он остановился и поднял стекло двери.

– Вы нас не подбросите к центру? – спросила женщина и вдруг смутилась. – О, извините, Константин Алексеевич, это вы?

– Я. Здравствуйте. – Он открыл дверь. – Садитесь, пожалуйста. Мужчины сзади, женщина впереди.

– На лихом коне, – добавил весело один из мужчин. Он был чуть старше Верхово, а, может, одногодок ему, если учесть, что крестьяне, как правило, выглядят постарше горожан.

Когда они уселись, Верхов поинтересовался:

– На митинг?

– А куда еще? – ответила женщина.

Верхов мысленно похвалил ее за то, что она надела шубу и покрыла голову теплым пуховым платком, который ее нисколько не старил. Ей бы он дал лет сорок не больше.

– Вы из...?

– Из Масловки. Вы у нас были месяц назад, открывали новый коровник. Я Варя, помните, я вам ножницы подавала? Я там теперь главная над доярками. А колхозы опять грозятся ликвидировать. Как тогда, когда вас выкрадывали. Поэтому у нас все до одного отправились на этот митинг в защиту Паршина и вас.

– Пока что одни мы прорвались, – вмешался второй мужчина, самый старый из них, уже за пятьдесят, но его очень молодила модная синяя кепка с большим козырьком и тоже синяя куртка с капюшоном, отороченным серым мехом. Да и представился он без отчества, просто Дмитрием. – Скоро и другие здесь появятся.

– Опоновцы, если вы не знаете, перекрыли все въезды в город, – пояснил молодой, которого звали Иваном. – Там везде очереди из машин образовались в полкилометра. Одна машина пошла на таран в бок опоновской, так у нее выбили все стекла, а людей, их в ней было шестеро, избili до полусмерти дубинками. Пешими прорваться как-нибудь можно, но никто не хочет оставлять на опоновцев машины, от злости те ведь могут их изуродовать. Перед нами было машин двадцать. Мы поняли, что спорить с опоновцами бесполезно, ну, я первый оставил свою «Ниву», и мы, прихватив вот эти плакаты, напрямиком направились по полю в город. Другие, глядя на нас, тоже стали собираться. А что тут идти? Мы шли меньше полчаса.

– Что за плакаты?

– Можем один, который про вас, подарить. – Варя протянула Верхову двойной лист в линейку из школьной тетради. На нем Коричневым фломастером было написано от руки печатными буквами «Руки прочь от Верхово!» – Возьмите, возьмите, у нас все по два экземпляра. А в другом мы требуем освободить Паршина, его у нас все знают.

Верхов прочитал на таком же двойном листе «Свободу Паршину!».

– Сами писали?

– Дима все утро писал. Четыре тетради исписал. А несколько листовок Павлик изготовил, наш младшенький. Они у меня в этом деле мастера, Дима стенную газету в колхозе выпускает.

Дмитрий пояснил:

– В половине восьмого заехал к нам председатель, дал восемь тетрадей и велел все истратить поровну на эти плакаты. Сказал, решили, чтобы у каждого митингующего было по плакату.

– Кто решил?

– Этом он мне не сказал, а я и не спрашивал, потому как правильно решили. Павлик пожертвовал еще одну свою тетрадь и всю ее исписал. Так наострился, что не отличишь от моих.

Еще трое попытались остановить машину Верхова. Иван, сидевший справа, высунул из окна плакат, показав этим самым, что машина занята. Трое поняли и приветливо помахали рукой.

– А вы зря так свободно разъезжаете, – заметил Дмитрий. – Мы видели на капоте полицейской машины вашу фотографию. Видно, вас ищут везде, даже за городом. Вы бы хоть кепку надели. Волосы свои вы остригли, а все одно вас ни с кем не спутаешь. Вот возьмите мою кепку.

Верхов не успел возразить, как на его голове оказалась кепка с большим козырьком.

– Что вы, не надо.

– Берите, берите, – приказала Варя. – У него капюшон теплый. Эх, жалко, не взяла я с собой помаду. Я бы вам усы подрисовала.

– Ага, красной губной помадой, – засмеялся Иван и тут же посерьезнел. – Я предлагаю вот что. Вы идите на митинг вдвоем, а я довезу Константина Алексеевича до дома. А вы, – коснулся он спины Верхова, – пересядете назад, когда они выйдут.

– Вообще-то я ехал посмотреть, что происходит на площади, – сознался Верхов.

– Это исключено, – сказал Дмитрий. – Ни к чему рисковать.

– А я бы его взяла, – сказала Варя. – Издали посмотреть-то можно. Пусть посмотрит, как мы с властью воюем. И за него тоже.

Иван молча чесал затылок, не зная, что сказать. Ободренный поддержкой, Верхов резюмировал:

– Тогда поступим так. До поворота нам ехать смысла нет, так как к мэрии нас не пропустят, а то и задержат. Поэтому нам лучше выйти раньше, например, вот здесь. – Верхов остановил машину. – Я тоже пойду с вами. Участвовать в митинге я не буду, а понаблюдаю издали. Это мне нужно, понимаете? Посмотрю несколько минут и вернусь к машине. До дома доеду один. Им сейчас не до машин.

Иван скривил лицо, но промолчал. А Дмитрий вдруг согласился:

– И то верно. Одно дело услышать от других и другое – увидеть самому.

А Варя обрадовалась.

– В случае чего, мы вас защитим.

Гул и крики толпы они услышали за квартал до мэрии, и они усиливались по мере приближения к площади. А вскоре навстречу им попался окровавленный мужчина под руку с расстроенной женщиной. На вопрос Вари, что с ним, женщина заплакала и с трудом выговорила:

– Нос ему сломали и глаз, боюсь, выбили. Видите, смесь крови с чем-то белым из него вытекает. Веду его в поликлинику. А там такое творится. Лучше вам туда не ходить.

Это их лишь подстегнуло. Когда они огибали последний дом перед мэрией, на них налетели двое мальчишек лет тринадцати.

– А у вас ничего нет? – спросил один из них. – С пустыми руками там делать нечего.

– А что надо?

– Да все, что угодно: железные прутья, камни, А лучше бы цепи. Кто знал, что они начнут избивать нас дубинками и ногами. С одними кулаками там делать нечего.

– Знаете, как я Даньку освободил? Я опоновцу, блин, камнем прямо в морду попал. Он, блин, стал маску сдирать, ну, Данька и рванул от него. Сейчас наберем камней и опять туда.

– Нет, сынки, вам больше туда нельзя, – предупредил их Дмитрий. – Если он вас запомнил, вам не сдобровать. Такое они не прощают.

Верхов заволновался: Вадик там очень даже мог быть. Его тянуло спросить об этом ребят – вдруг они знают сына, – но лишь сказал настоятельно:

– Ребята, дядя дело говорит. Свое дело вы уже сделали, а теперь бегите домой и о камне никому ни слова. Вас обязательно будут разыскивать. Эту одежду вам лучше сменить на какое-то время.

По тому, как они переглянулись, было видно, что они его узнали. Они послушно кивнули головами, и вдруг Данька проговорил:

– А я видел, как вашего Вадьку тащили два опоновца.

Второй ущипнул его за бок и стал успокаивать Верховца:

– Не, по-моему, он, блин, вырвался. Они так и не смогли воткнуть его в автобус. Он же, блин, здоровый. Точно вырвался. Вы не расстраивайтесь. – Он потащил за собой Даньку. Верхов расслышал. – Ну, ты, блин, дурак.

– Это ваш сын? – спросила Варя. —

– Сын. – И добавил зачем-то. – Он очень спортивный. Его не так-то легко затащить в автобус, если он не хочет. Разве что без сознания. Говорил я ему, чтобы больше не ходил туда. В тот раз ему тоже досталось. Да разве они нас слушают? А автобусы эти я видел утром. Их пригнали специально для задержанных.

– Да вы не расстраивайтесь раньше времени. Может, он убежал, как этот. Ой, смотрите, что там творится!

Площадь перед мэрией напоминала битву землян с инопланетянами: мужчины, женщины и дети, разношерстно одетые, оружием которых были белые плакатики, мужественно противостояли одетым во все черное и вооруженным дубинками и блестящими щитами пришельцам, прилетевшим на землю, чтобы забрать с собой в рабство наиболее понравившихся им землян, затаскивая в НЛО – автобусы. Земляне, естественно, идти добровольно не хотели, и их приходилось нести или тащить по земле. На помощь им спешили жители других поселений, прорывая кордоны инопланетян – опоновцев. Кордон со стороны Верховца и его спутников был прорван в трех местах, и лесковцы устремились через образовавшиеся бреши на площадь. Опоновцы плюнули на цепь и стали хватать первых попавшихся и тащить их в автобусы.

– То же самое творится, что и на въезде в город, – заметил Иван.

– Да нет, здесь посерьезнее, – поправил Ивана Дмитрий. – Здесь арестовывают.

– Думаю и туда подогнали автобусы и тоже арестовывают наших. Но всех не арестуют – тюрем у них не хватит. Ну, что, пошли в бой. За Родину, за Сталина. – Это я не вам, – поправился Иван перед Верховым. – Вы можете еще немного посмотреть и уходите. Если сын все же в автобусе, его вы не освободите, а вас арестуют. Для освобождения сына вам лучше использовать другие каналы, к примеру, ваши связи.

Верхов протянул Дмитрию его кепку. Тот отказался ее забрать, сказав, что от дубинки она его не защитит, а Верхову может помочь.

Они ушли, держа над головой свои плакаты из ученической тетради, а Верхов сосредоточил внимание на автобусах. Их было два, и стояли они на дороге по разную сторону от тротуара, идущего к площади. Заполнялись автобусы медленно, так как митингующие ожесточенно сопротивлялись: вырывались, отбивались руками и ногами, женщины к тому же кусались и норовили дотянуться ногтями до лица опоновца в маске, и кричали так пронзительно, что у стоявшего на солидном расстоянии Верховца едва не закладывало уши. Опоновцам даже женщин приходилось тащить к автобусу и заталкивать в него вдвоем. Одну миниатюрную девушку – подростка опоновец поднял и понес к автобусу один. Она умудрилась вцепиться пальцами в его маску и, видно, существенно оцарапала лицо. Он сбросил ее на землю и стал избивать дубинкой. К нему подскочил парень и обеими руками ухватил дубинку. Опоновец поднял вместе с дубинкой парня, но тот заплел ему ноги, и они упали. Вскочившая девушка двумя руками вцепилась в голову опоновца и стала бить по ней коленкой. Парень выпустил дубинку, схватил девушку за руку, и они растворились в толпе за площадью. Удалось освобо-

дять и мужчину, которого тащили в автобус трое опоновцев. Мужчина, по аналогии с девушкой, был некрупного телосложения, и рослый опоновец запросто мог бы поднять его и донести до автобуса, может, и попытался это сделать, но быстро понял, что один не справится, и позвал на помощь напарника. Но и вдвоем у них не получилось. Когда они появились в поле зрения Верхова, держа мужчину за руки и ноги, он вдруг подкинул тело, крутанул его вправо – влево несколько раз, высвободил правую ногу и врезал ею по голове опоновца, державшего его руки. Тот отпрянул назад и опустился на колено, как получивший нокдаун боксер. Мужчина акробатически согнулся и захватил в клещи голову второго опоновца, находившегося к нему спиной. И тут Верхов узнал в мужчине Руслана Коздаева, известного в прошлом акробата, а в последние годы тренера детской секции акробатики при Дворце Культуры. Оповонец освободил одну руку, ухватил висевшую на ней дубинку и дважды с силой воткнул ее в изогнутую спину Русика, как любовно дети называли тренера, парализовав его. Верхов по опыту знал действие такого удара по пояснице. К опоновцу, все еще стоявшему на колене, подбежал третий, помог ему подняться, они подошли к лежащему на земле без сознания мужчине и втроем начали добивать его дубинками. Их окружили лесковцы, в основном ребята и женщины, стали хватать за руки, и те переключились на них. Вдруг с помоста прыгнули три фигуры в форме и в масках, но посветлее, и набросились на опоновцев. Началась схватка не на жизнь, а на смерть. Воспользовавшись тем, что Русик остался один, его подхватил и быстро унес огромный мужчина в солдатской куртке советских времен защитного цвета. Трое героев одновременно прекратили схватку, подскочили к помосту и, запрыгнув на него, смешались со стоявшими на нем лесковцами.

Обе эти сценки вселили в Верхову надежду на то, что Вадик тоже мог спастись.

Он перевел взгляд на помост, где разворачивались главные события. Он был заполнен до отказа. Очевидно, лесковцы посчитали наиболее смелым и действенным выражением протеста помахать своими плакатиками именно с помоста перед окном непризнанного ими мэра. А может, потому они стремились на помост, чтобы защитить ораторов на трибуне. Приглядевшись к стоявшему на ней человеку, Верхов без труда узнал Безусяка. Полковник был в давно отмененными милицейской шинели и фуражке с кокардой. Он размахивал своим сдвоенным листом и что-то кричал без мегафона, до Верхову доносились лишь обрывки его хрипловатого голоса.

Трибуна была окружена сплошным кольцом рослых парней в такой же форме, как прыгнувшие с помоста. Скорее всего, это были преданные полковнику бойцы из бывшего ОМОНа.

Как понял Верхов, перед опоновцами стояли две задачи: как можно больше и быстрее задержать протестантов, но более важной была задача очистить площадь и арестовать Безусяка, которого они считали главным организатором этого запрещенного митинга. Полковник не мог не понимать это и, тем не менее, не будучи на самом деле организатором, взял на себя эту роль. Верхов вспомнил его слова: «Я все сделаю за тебя», – и был благодарен ему за это.

Если на площади опоновцы задерживали наиболее активных протестантов, то на помосте хватали всех без разбора. Так как уводить задержанных по лестнице, забитой людьми, у них не получилось, равно как и аккуратно спускать их с помоста, то они стали стаскивать с помоста людей за ноги, стоя на земле, а на помосте – сталкивать и просто сбрасывать их вниз. Помост, как никак, был высотой метра полтора, и без увечья не обходилось. Разгневанные лесковцы сами стали сталкивать опоновцев и не пускать их на помост, отбиваясь ногами. Озверевшие опоновцы, размахивая дубинками, как саблями, проделали несколько проходов к трибуне, но на подходе к ней натолкнулись на дубинки защитников народа, то бишь, омовцев, несколько не уступавших им в умении владения дубинками.

Вдруг опоновцы, ни с того ни с сего, стали дружно пятиться назад и прыгивать с помоста. Необъяснимое стало происходить и на площади. Её также спешно, чуть ли не обгоняя друг друга, стали покидать опоновцы и мужики в черных куртках с капюшонами. На этот раз

дубинки опоновцы применяли лишь для прокладывания себе дороги. Тревога овладела Верховым. В пятницу вот также в спешке опоновцы ушли с площади перед приездом пожарных машин с водометами.

Какую подлость они применят против народа на этот раз? Хотя бы опять водометы, с ними люди уже знакомы и не так страшно будет. Но это должны понимать и блюстители порядка, поэтому наверняка придумали что-то другое. Верхов вспомнил рассказ Безусьяка о выставке спецмашин для МВД этой весной в Подмоскowie. Там демонстрировали спецмашины с лафетами на крыше и бампере с пушками с 8-ствольными гранатометами для водометания и отстрела светозвуковых боеприпасов и гранат со слезоточивым газом. Показали также адскую машину, выстреливающую различные типы поражающих веществ, оказывающих раздражающее, взрывное, дымокурающее и звуковое воздействие на человека. А что? После слов Президента о Лесках у полиции и ФСБ ума хватит пригнать сюда хотя бы одну из этих машин.

Он, как в воду глядел.

Но пока митингующие лишь обрадовались уходу полицаев, решив, что одержали верх над ними. Люди, стоявшие по бокам от площади, тут же перешли на нее, заполнив до отказа. Им хотелось спокойно послушать, о чем говорят ораторы на трибуне.

В наступившей тишине до Верховова отчетливо донесся женский голос, усиленный откуда-то взявшимся мегафоном:

– ...они поняли, что народ им не победить и трусливо убежали.

Тут к женщине подошел Безусьяк и, взяв у нее микрофон, крикнул в него:

– Мне только что донесли, что на подавление этого митинга из Москвы утром направилась спец машина. Я не знаю, чем она оснащена: водометом ли, но это будет уже не то самодельное устройство, которое применили против вас в пятницу, а специально созданное для умирения вас. Или это будет страшное устройство для разгона вас слезоточивым и удушающим газами, или ослепляющим светом или оглушающим звуком. Дождаться нам прибытия этих адских машин не стоит, и я настаиваю на том, чтобы вы немедленно разошлись, а свой протест выразили игнорированием выборов, где нам не за кого голосовать. Все! Быстро разошлись! Я сказал, быстро!

Но было уже поздно. К площади подъехала и неспешно развернулась к ней передом между автобусами грузовая машина с закрытым металлическим кузовом, составлявшим одно целое с кабиной водителя. Наверху кабины неспешно задвигались стволы в направлении на площадь, и не успели заглядевшиеся на машину люди понять угрозу, как услышали целую канонаду хлопков и увидели вылетающие из стволов овальные снаряды, которые стали взрываться у них над головами, заволакивая площадь синим дымом и издавая не выносимо пронзительные разрывающие ушные перепонки звуки. В панике люди стали затыкать уши, тереть глаза от пронзительной в них рези, вызвавшей поток слез, и прикрывать нос и рот, почувствовав отвратительный запах и рвоту во рту. Ничего не видя и не слыша, плохо соображая, они стали наткаться друг на друга и падать на землю или опускаться на колени.

Когда залпы, проресочив всю площадь, наконец, прекратились, на ней остались стоять не больше двух десятков человек, в основном, ооновцы на помосте вокруг полковника. Самого его Верхов не увидел.

Постепенно люди стали подниматься с явным намерением поскорее выбраться из этого ада. Крайние, шатаясь и вытирая слезы, почему-то не спеша, двинулись в разные стороны от площади. Но тут, откуда ни возьмись, появились опоновцы и стали подхватывать людей под руки и уводить их, не имевших сил сопротивляться, в автобусы. Совсем скоро один из них, который был ближе к Верхову, тронул с места и стал разворачиваться, стараясь не задеть спецавтомобиль.

Не раздумывая, Верхов бегом направился к своей машине, ругая себя за то, что не спросил у ребят, в какой автобус воткнули Вадика

Он успел вовремя, когда автобус медленно пересекал шоссе. Он поехал за ним и быстро догнал его. Автобус продолжал идти совсем медленно, раскачиваясь и виляя из стороны в сторону, а вскоре совсем остановился. Проезжая мимо, Верхоав увидел в разбитое окно и мимо раздвинутых и сорванных занавесок взмахи дубинок и услышал крики и песню на мотив «Смело мы в бой пойдем». Перезвон его мобильного он не сразу услышал. Тревожный голос Коли спросил:

– Константин Алексеевич, вы где?

– Следую за автобусом с задержанными на площади. Возможно, Вадик в нем.

– Не переживайте, все будет хорошо. Вы конкретно где?

Верхов назвал улицу и место. Коля велел ему ехать за автобусом в пределах видимости, не приближаясь, и пообещал немедленно выехать ему навстречу.

Автобус продолжил движение чуть быстрее, но вскоре опять замедлил ход.

Коля появился не спереди, а сзади и, подсев к Верхову, был строг и краток.

– Чтобы больше без моего разрешения ни на шаг. Их везут во Дворец Культуры. Туда свозят всех задержанных горожан, в основном с площади. А для колхозников, отказавшихся вернуться домой, выделен кинотеатр «Луч». За три часа заполнили лишь пять автобусов задержанными с площади и лишь два прошли в «Луч» с колхозниками. А вы почему за автобусом поехали? Услышали крики?

– Ехал домой, увидел одноклассников Вадика, – полусоврал Верхов. – Поинтересовался у них, не видели ли они на площади сына. Они не хотели говорить, но все же сознались, что видели, как его несли к автобусу. Ты же его знаешь. Спокойно нести себя он не дал бы, значит, был без сознания. А в это время шоссе пересекал автобус. Ребята предположили, что в нем мог быть Вадик. Я, естественно, поехал за ним.

– А теперь спокойно езжайте домой. Вадика мы освободим, будь он в этом автобусе или в другом.

– Каким образом?

– Дима с ребятами прорабатывает разные варианты.

– Ты сейчас к ним?

– Сопровожу вас до дома и поеду к ним.

– Домой я не поеду, а поеду с тобой к Диме. Я правильно понял, что вы хотите освободить задержанных из Дворца Культуры и клуба?

Коля замахал головой и рукой.

– Не, не, не. И не думайте, не возьму я вас с собой. Да вы что? Димка меня приберет. А если вас схватят? Не, не, не.

Верхов сказал тоном, не допускавшим возражения, который Коля не раз слышал от него.

– Вадик мой сын. Я могу помочь освободить людей и его. Дима и его ребята могут не знать, что из зала Дворца Культуры есть потайной выход в соседний дом. Тем более о нем не могут знать приезжие полицейские.

– Есть запасной выход? – обрадовался Коля. – Это выход. Димка как раз пытается найти ключи от задних дверей Дворца. А тут потайной выход. Тогда ладно. С Димкой я вас, пожалуй, сведу. Туда, где он сейчас, отвезти вас можно. Но во Дворец, конечно, мы вас не возьмем. Это исключено.

Он продолжал еще что-то говорить, вылезая из машины. Его отец, как и Димин с Женей, погиб в Афганистане. Они были старше его и относились к нему как к младшему брату. Он с трудом уговорил их порекомендовать его телохранителем Верхову. Зная по своему опыту

опасность этой профессии, они не хотели, чтобы он рисковал жизнью (он был единственным сыном у матери и ее опорой в жизни). Но он сумел их уговорить и ни разу не подвел.

Верхов тоже любил Колю, который чем-то напоминал ему тезку, Катиного брата, хотя разительно отличался от того внешностью: был высок, могучего телосложения и белокур, как Верхов, но волосы у него были прямые и короткие. Онимел разряды по кикбоксингу и дзюдо. С Колей его роднили храбрость и преданность Верхову.

Они подъехали к Диминому гаражу. Коля попросил Верхова не выходить из машины и постучал условно в дверь. Когда она открылась, он исчез в ней. Минуты через три Дима вышел один с большим пакетом, указав на который, сказал с загадочной улыбкой:

– Для вас форма. Будете начальником штаба и руководителем операций по освобождению задержанных. О том, кто вы, кроме Коли и меня, никто знать не будет.

– Штаб находится в этом гараже? – улыбнулся Верхов.

– А чем плох? Столик и стул есть. А главное, есть запасной выход, который сроду никто не отыщет. Коля мне шепнул про потайной выход из Дворца Культуры. Он прямо из зала?

– Из зала в подвал, а оттуда в подвал и подъезд соседнего дома. Если аккуратно нейтрализовать находящиеся в зале опоновцев, то за десять минут можно вывести всех из зала.

– А как с ключами?

– Дай свой мобильник. – Верхов набрал номер, заглянув в свой телефон. – Виктор Васильевич... Я в полной безопасности. А вы сами где? Вот и хорошо. Вам там не досталось? Даже так? Правильно сделали, что вас увели. Я там не был, узнал случайно, что Вадика задержали и, кажется в бессознательном состоянии. Мне нужны ключи от потайного выхода из Дворца Культуры. Хорошо, жду на этот номер. – Выключив телефон, Верхов почесал висок. – Он так ругался. Я первый раз от него мат услышал.

– За дело. Я даже не хочу думать, что с вами будет, если вас схватят. Лет на двадцать президент вас упрячет в тюрьму, несмотря на свой либерализм. Вы хоть это понимаете?

– Столько он во власти не продержится. Народ уже раскусил его. Во всяком случае, в семнадцатом году я вышел бы.

– Это почему же? А, понял. Вам звонят.

Верхов приложил телефон к уху.

– Прекрасно, Виктор Васильевич, спасибо. Дима, во сколько мы туда прибудем?

– Без вас мы туда прибудем в четыре.

– В четыре, Виктор Васильевич. И вы туда же. Мне уже сказали, что меня не возьмут. Посмотрю, может, так и сделаю. Еще раз спасибо. – Верхов отключил связь. – А с клубом что? Я хорошо знаю директора клуба.

– Там все нормально. Два бойца работали в клубе и уже связались с главным охранником. Он вам знаком как Володя Большой. Он сразу согласился открыть нам нужные двери и дальше нам помогать.

– Если Володя Большой пообещал, он все сделает, – подтвердил Верхов. – Я рад, что он в бодром здравии.

Дима взглянул на часы.

– Мне пора ввести в курс дела бойцов. А ваше, Константин Алексеевич, участие в этом деле, можно считать законченным и – домой. Оставаться здесь и дожидать нас смысла нет. С таким же успехом и безопаснее вы можете делать это дома. Спасибо за помощь. А то у нас были бы проблемы. А теперь, считай, их нет. В случае срыва операции этот гараж будет использован на какое-то время убежищем. Как бы вы ни маскировались, вас трудно не узнать, и кто-нибудь по глупости или под пыткой может проговориться, что видел вас здесь. Поэтому и мне и Коле будет спокойнее, если вы вернетесь на завод и уже оттуда уедете на своей машине домой, чтобы шпики у завода и у дома вас засекли. Все, так и сделаем. Коля сопроводит вас

до завода и до дома сразу или вечером. Камуфляж и маску он передаст вам у дома, на всякий случай.

Не дав Верхову рта открыть, Дима вышел из машины вместе с пакетом. Коля появился сразу и поинтересовался, поедет ли он домой с завода сразу или вечером. Услышав, что вечером, он велел дожидаться его и не уезжать одному, а также проинструктировал о деталях встречи вечером. И попросил не сердиться на него и Диму, потому что так надо.

– Я не сержусь, – успокоил его Верхов. – Но и вы должны меня понять: у них мой сын. Да и сидеть без дела не в моей привычке. Но я же вам помог с потайным выходом.

– За это спасибо, – посветлел лицом Коля. – А за Вадика не беспокойтесь. Я приеду к вам с ним.

Увидев его в двери, Зина обиженно надула губы.

– Вы меня обманули, Константин Алексеевич.

– Я сделал это с большим удовольствием, Зиночка. Как и обещал.

Она непроизвольно окинула его взглядом и вдруг покраснела.

– Да ну вас, Константин Алексеевич. На вас нельзя сердиться.

– И не надо. Виктор Васильевич на месте?

– У себя. Только он... вы сами увидите. Он так меня за вас ругал.

У Хохлова, сидевшего за столом, была забинтована голова и висела на привязи левая рука.

– Опять? Так кто кого должен ругать? – спросил сердито Верхов. – Вам того раза мало было? Зачем пошли туда?

– Вместе с коллективом. – Директор поднялся, придерживая руку, пожаловался, скривившись. – Болит толчками. Давай выпьем. Не волнуйся, тебя отвезут.

Верхов охотно согласился и помог достать из секретера рюмки и бутылки. Пока Зина готовила бутерброды, Хохлов рассказал, что на помосте к нему прицепились два опоновца, видно, приняв его за организатора митинга, заводчане кинулись его спасать, завязалась драка с использованием дубинок и кулаков. С залитым кровью лицом Хохлов переходил из рук в руки, пока опоновцу не удалось столкнуть его вниз. Рентген показал две трещины в локтевом суставе и сотрясение мозга.

Хохлову даже полусоврать Верхов не мог и рассказал все, как было на самом деле. Про использование полицией адской машины Хохлов знал и резюмировал.

– Демократия в действии. Сволочи да и только. Это надо же так ненавидеть свой народ, чтобы подвергать его такому наказанию. Но это им дорого обойдется. Такое не прощается. Лесковцы этого никогда не забудут. Их ничем не запугать. По грубым подсчетам, сейчас в Лесках находятся триста опоновцев и сто фээсбэшников и политполлицаев. Плюс армия представителей губернатора на замещение всех значимых должностей мэра, спикера, судьи, прокурора, начальника РОВД, председателей избирательных участков и комиссий, старост вместо председателей сельсоветов и колхозов. Все это брошено против простого народа и в принципе из-за тебя. Но пока, я скажу, успеха у них ноль. А если еще освободят задержанных, это будет полное их фиаско. Несмотря на применение адской машины. И здесь мы впереди всех в России, стали не демонстративным, а живым полигоном. Выходит, меня вовремя увезли. А то мог бы составить Безусяку компанию.

– В каком смысле? При мне опоновцы до него так и не добрались

– Опоновцы не добрались, добрались газы. Ты разве не знаешь, что он в реанимации?

– Нет, не знаю. А что с ним?

– У него недавно обнаружилась астма. Как и у меня. А тут эти газы. Он сразу потерял сознание. Боюсь, как бы плохо для него не закончилось.

– Типун вам на язык. А можно позвонить в больницу?

Хохлов попросил сделать это вошедшую с подносом Зину. Они наполнили рюмки и выпили за скорейшее выздоровление полковника.

– Дай бог, чтобы у него обошлось, – сказал Хохлов, беря бутерброд. – Но думаю, сегодня они его не взяли бы. Это еще больше обозлило бы лесковцев. Возьмут его после выборов, когда выдворет. И не его одного. Там заснят на видео каждый. Не только мэровскими камерами, но и политполицаями и фээсбэшниками. Как мне сказали, у каждого из них есть твоя фотография. Вот, что значит президентское «Ату его!» А ты молодец, что послушал колхозников и не пошел на площадь. Представь себе, увидели бы они тебя там, не говоря про трибуну. Да они бросили бы на захват тебя не двоих, а сто два опоновца. Ты ведь тоже не пошел бы послушно с ними, и изувечили бы они тебя на совесть, получив благодарность от начальства. Да, я слышал, что Русику они повредили позвоночник. Может остаться неподвижным на всю жизнь при его-то юркости. Ну, никак нельзя тебе сейчас появляться на людях. – Забывшись, Хохлов дернул локтем и прикрыл от боли глаза.

– Домой вам надо, Виктор Васильевич, – забеспокоился Верхов.

– Теперь, после того как ты объявился, можно и поехать. Выпьем еще и поедем.

Они уже выпили по две рюмки. Наполнили и по третьей.

Верхов давно заметил, что лоб директора под повязкой и лысина над ней были покрыты испариной, а глаза, напротив, сухо блестели.

– Я на минутку. – Он поднялся и стал вылезать из-за столика, чтобы попросить у Зины градусник.

Тут в кабинет как-то нерешительно вошла она сама, и остановилась, опустив голову, не дойдя до них. Они успели заметить, что ее румяное лицо было покрыто белыми пятнами.

– Узнала? – не сразу спросил Хохлов.

Она молча кивнула. Верхову стало нехорошо.

– Ну? – тихо и нервно спросил Хохлов.

– Сказали, умер, – прошептала Зина.

У Верховя моментально выступили слезы. Он пальцем смахнул их и медленно опустился на стул, глядя на директора. Рука того опустилась на столик, расплескав водку, и он пальцами стал вытирать столик.

Верхов опять поднялся и, подойдя к Зине, попросил ее принести градусник.

Вернувшись на место, Верхов поднял свою рюмку, дождался, когда Хохлов взял свою, и они выпили, не чокаясь.

– Он мне был, как отец, – проговорил Верхов.

Вошедшая Зина с укором посмотрела на пустую рюмку Хохлова. Он послушно взял градусник и воткнул подмышку.

– Еще одна пенсионерка умерли, – сказала Зина. – Всего в больницу привезли шестьдесят два человека.

– Это ты для того говоришь, чтобы у меня поднялась температура? – разозлился Хохлов.

– Нет, не для этого, а для того, чтобы ехали домой и больше не пили, – возразила Зина и решительно сжала губы.

– Ты еще поучи меня. Лучше скажи Степану, чтобы подготовил машину.

Температура оказалась внушительной для возраста Хохлова: свыше тридцати девяти. Врач медпункта, осмотрев его, сказала с упрёком:

– Я же велела вам ехать домой и соблюдать постельный режим с обязательным приемом лекарств, которые выписала. Такая высокая температура не от локтя, а от сотрясения мозга. А с этим не шутят.

Врач сама повезла Хохлова на «Скорой», чтобы дать указания жене. Верхов поехал с ними, попросив врача заехать по пути в аптеку за нужными лекарствами.

На завод он вернулся также на «Скорой» и стал ожидать приезда или звонка Коли. Самым неприятным было то, что не у кого было узнать, чем закончилась попытка освобождения задержанных во Дворце Культуры и в «Луче». А главное, удалась ли она.

Организаторы газовой атаки, увидев лежащими неподвижно больше двадцати тел, поняли, что слегка переборщили с наказанием митингующих. Первым пришел к такому выводу сам Алтухин, наблюдавший происходившее на площади из разбитого водометной струей окна своего кабинета.

– Что будем делать, если кто-нибудь из них умрет? – спросил он Щербину. – Слышите вой сирены? Очевидно, кто-то постарался вызвать ее.

– Ясно, кто. Я видел, как многие звонили по телефону. Надо бы запретить «Скорой» включать сирену, чтобы не будоражить народ. А вот еще одна, слышите?

– Хорошо, я распоряжусь. Так что будем делать, если будут мертвые?

– Все зависит от того, как широко это будет представлено в средствах массовой информации и прежде всего на телевидении. Но, думаю, раздуться не будет, так как Лески с их социалистической идеологией не отвечают интересам либеральной оппозиции, где имеется засилье евреев. Ну, а то, что они доминируют в прессе и на телевидении России, это неоспоримый факт. Лески в этом случае редкое исключение. Я поинтересовался и не нашел ни одного еврея в руководстве города, на телевидении и в печати. Небывалый случай в истории не только современной России, но и Советского Союза. Отчасти поэтому разгон митингующих водометами в пятницу остался абсолютно незамеченным прессой страны, не считая местной.

– Нет сейчас здесь евреев – будут. Но и сейчас о сегодняшних событиях по местному телевидению и в «Лесковских вестях» не будет сказано ни слова. Тогда откуда об этом узнают в Москве?

– У патриотов путь один – интернет. Могут выложить в нем фотографии, заснятые на мобильники.

– Ах, да, я забыл приказать, чтобы их отобрали.

– У всех не отберешь. Для этого надо задержать три тысячи человек. А задержали максимум двести человек.

От разговора их отвлек звонок нового начальника РОВД Борзова:

– Генрих Анатольевич, что делать с вызванными на площадь «Скорыми»? Пропускать их или нет? Трое не подают признаков жизни, в том числе этот самый, как его... Безусяк, кого я сменил. И надо ли продолжать задержание в этих условиях? Сопrotивление сейчас никто не оказывает, потому что еще не отошли от газов. Пользуясь этим, мы можем всех задержать, но здесь у нас всего два автобуса. Забрать их у крестьян мы не можем, там тоже всего два автобуса на несколько въездов в город. А сопротивление они оказывают упорное. Ранены два наших сотрудника. Предлагаю прекратить здесь задержание.

– Хорошо, я согласен. На площади задержание прекратить, а крестьян продолжать задерживать. Обязательно фиксируйте на фото и видео их сопротивление правоохранительным органам, чтобы предъявить на суде.

– Там тоже проблема. Не хватает наручников. Если бы они и были, куда их пристегивать до прибытия автобуса?

– А вы что предлагаете?

– Буду выступать с предложением о создании автобусов с большей вместимостью и сидениями в виде лавок. А можно и без лавок – не баре, постоят.

Алтухин рассердился:

– Меня интересует не ваше рацпредложение для будущего, а ваше предложение, что делать с крестьянами сейчас?

– А что с ними делать? К деревьям их не будешь пристегивать, тем более что их там нет. Как и самих крестьян тоже, которые просочились пешком в город. Они почти все здесь. Там задержано всего два неполных автобуса. Поэтому предлагаю оставить, как есть. Попробуем дозагрузить ими автобусы без второго захода, так как дожидаться их прихода они не будут и разъедутся по домам.

– Здесь всех удалось сфотографировать?

– Об этом не беспокойтесь. Помимо вашей видеокамеры, еще работали пятьдесят человек. Всех отыщем и заведем на них дело.

– Мэра не взяли?

– Как мне регулярно докладывают, он сидит на заводе, не высовывая носа.

– Не выпускайте его из наблюдения ни на минуту.

– Такое указание дано, Генрих Анатольевич. Так я приказываю прекратить задержание?

– Да, приказывайте.

– И распоряжаюсь пропустить «Скорые»? Все три или только одну?

– Я думаю, все. Быстрее увезут, будет меньше недовольства.

– Оно уже опять назревает.

Алтухин и сам это видел. Вокруг неподвижных тел сгрудились митингующие и, подняв головы, что-то кричали, размахивая своими игрушечными плакатами. Щербина шепнул ему:

– Скажите ему, пусть разгонит всех, пока они не очухались. Но только после отъезда «Скорых».

– Попробуй разогнать их всех, пока они не очухались, но только после отъезда «Скорых», – повторил по-попугайчи мэра.

– Сделаю, Генрих Анатольевич. А что с защитниками полковника? Брать их?

Алтухин переправил вопрос Щербине. Тот покачал головой:

– Не стоит. Без боя они не сдадутся и вызовут новую волну протеста. Они все уедут за «Скорой» с полковником. Пусть уезжают.

Борзов не возразил, кажется, даже обрадовался:

– Так и сделаем, Генрих Анатольевич. Их фотографии в масках у нас есть. Я думаю, мы их всех вычислим.

Полицаям не пришлось разгонять митингующих, ослабленных газово-шумовой атакой. У людей хватило сил лишь дожидаться машин «Скорой». Однако, при виде вносимых в машины носилок с неподвижными телами, гнев переполнял их души, и они стали выкрикивать проклятия в адрес этой антинародной власти, которую олицетворял прятаящийся за занавесками новый мэра. Но после отъезда «Скорых» протестный пыл людей стал угасать. На этом сказалась свойственная русскому человеку потребность в руководителе, которому они преданы и за которым готовы идти в огонь и воду. Возможно, и сейчас люди нашли бы в себе еще сил последовать за таким руководителем. Но его их лишили. Их мэра Верхова хочет посадить в тюрьму сам Президент, Паршин уже арестован, а заменившего их на митинге Безусьяка увезли без признаков жизни. Его отъезд лишил людей последних сил, и многим из них потребовалась помощь добраться до дома, отчего они уходили парами, держась друг за друга.

Автобус, за которым ехал Верхов, был последним, вернувшимся из Дворца Культуры до поступления приказа о прекращении задержания. В него опоновцы успели загрузить лишь девятнадцать человек, в том числе девять пострадавших от газовой атаки. Им не повезло больше всех. До него задержанные вели себя крайне агрессивно. Первый автобус они едва не опрокинули раскачиванием из стороны в сторону, во втором выбили два стекла, во всех

выкрикивали лозунги и пели «Вставай страна разгромная» и «Интернационал». После первого автобуса задержанных сопровождали уже не двое, а четверо опоновцев, а в последний автобус посадили еще четверых для усмирения задержанных во Дворца Культуры. Несмотря на это, задержанные вынули и выбросили на дорогу стекло запасного выхода и разбили стекло с другой стороны, чтобы было больше воздуха для подвергшихся газовой атаке и пришедшему в себя Вадиму, которого многие знали. Из автобуса опоновцы выносили, вернее, вытаскивали не только отравленных газом, но и почти всех остальных. Соответственно, втаскивали их в зал Дворца Культуры.

Зал, рассчитанный на семьсот человек, был заполнен меньше, чем на треть, что облегчало задачу освобождения задержанных. В этой трети лишь сорок человек были ослаблены газовой-шумовой атакой и сильным избиением, как Вадик, но и они были полны решимости продолжать протестовать и не сдаваться, поддерживая остальных.

В зале лесковцы продолжали выкрикивать и петь песни, но постепенно приутихли, так как были в зале одни. Опововцы появлялись лишь, чтобы увести на допрос. На этот раз лесковцы решили не мелочиться и шли на допрос без посторонней помощи. Но тех, кто сам не мог идти, опоновцы на допрос не брали.

После увода первой пары лесковцы уселись покучнее и договорились представляться вымышленными фамилиями и дальше врать, кому как и что вздумается, но как можно правдоподобнее, чтобы не вызвать подозрение. Также договорились не брать с собой телефоны, оставляя их соседям. О том, чтобы оставить дома паспорта и прочие документы, их предупредили вчера по телефонной цепочке.

Допрашивали лесковцев в разных кабинетах два офицера политического отдела полиции, упомянутого Безусяком в разговоре с Верховым. Для обоих офицеров это было первое боевое крещение такого рода, и проводили они допрос в полном соответствии с инструкцией и вопросником, основной задачей которых было выявление политических взглядов допрашиваемого. При допросе офицеры не представлялись, а вначале долго рассматривали усаженного напротив задержанного и еще дольше задержанную, чтобы заставить их понервничать, и затем задавали одни и те же вопросы: фамилию, имя отчество, год рождения, домашний адрес, место работы или учебы и причину участия в митинге. Приводили к ним не всех подряд, а в соответствии с инструкцией, как можно более разнообразный спектр участников митинга с учетом пола, возраста, социального положения, внешнего вида, в том числе одежды, а главное, поведения на митинге и в зале.

Первыми, в качестве подопытных кроликов, были выбраны наиболее спокойные и безобидные задержанные. Ими оказались сорокалетний учитель физики интерната и приблизительно такого же возраста продавщица газетного киоска. В зале они вели себя тихо, и, как вспомнил выбравший их опоновец, забрали их под горячую руку.

Учителя как более серьезного выбрал майор Матюхин, продавщица, казавшаяся попроще, досталась капитану Гринину.

Не сговариваясь и не зная о договоренности в зале, учитель и продавщица не сказали ни слова правды о себе. Он представился сантехником, а она – уборщицей на частной фирме. И лишь на самый главный вопрос о причинах, побудивших их прийти на запрещенный митинг, они не соврали, ответив одинаково: несогласие со снятием с выборов коммунистов, арестом

Паршина и увольнением мэра Верхова. Угрозу отсидеть за это пять лет они восприняли спокойно: посадят – отсидим, тем более, что там обязательно будет кто-нибудь из лесковцев.

Такой ответ на ключевой вопрос насторожил полицейев: если уж эти полуграмотные так настроены, то что ожидать от буйных и подкованных?

Поэтому вторыми были вызваны похожий окладистой бородой на ученого пенсионер с громовым голосом, выкрикивавший на площади антиправительственные лозунги и размахивавший большим плакатом с утверждением «Такой Президент на не нужен!», и студентка медицинского колледжа, инициировавшая пение в автобусе и зале «Интернационала» и «Вставай, страна разгромная».

Пенсионер, назвавшийся писателем Иваном Лесковым, сразу взял в оборот Матюхина, обвинив его в предательстве России и русского народа за то, что он служит антинародному капиталолибералодемократическому режиму. На вопрос, о чем его книги, писатель охотно рассказал, что пишет о пробуждении народа от гипноза, в который он впал в результате многолетней антисоветской прозападной клеветы, заданной Планом Даллеса, разработанным еще в конце войны с фашистами. Майор попытался возразить, что никакого подобного плана не было, он выдуман писателем Ивановым в повести «Вечный зов». Правда, самой повести майор не читал, а лишь видел поставленный по ней фильм, где о плане не упоминалось, отчего его возражение этим и ограничилось. Старик был подкован основательнее. Он не только знал дословно само детище Даллеса, но и конкретную выдержку из него, приведенную в «Вечном зове», написанном 25 лет спустя, чем, как ему показалось, заткнул рот майору. Тот понял, что задавать старику вопрос о причинах его участия на митинге излишне, и, сфотографировав его в анфас и профиль, отпустил раньше времени, пригрозив тюрьмой. Угроза подействовала на старика своеобразно: он захохотал, обнажив на удивление хорошо сохранившиеся, хотя и слегка потемневшие крупные зубы, и произнес не без пафоса:

– Я многое в жизни повидал и испытал, но в тюрьме сидеть не довелось. Сочту за великую честь умереть в ней за Россию и свой народ. А до этого постараюсь почерпнуть там бесценный материал для своей книги.

– Я вам обещаю предоставить такую возможность, – отреагировал майор.

Беседа со стариком настолько возбудила Матюхина, что он заглянул в кабинет напарника. Там студентка, назвавшаяся проституткой и трижды пожалевшая об этом, пыталась как можно правдоподобнее удовлетворить неподдельный интерес капитана к ее профессии, в частности, испытывает ли она оргазм от каждого клиента. Хорошо, что она как-то читала «Исповедь жрицы любви», где та описывала отвращение, испытываемое от своих вонючих клиентов, но вынуждена изображать этот самый оргазм. Увидев майора, девушка покраснела и замолчала, но ему не давал покоя совсем другой вопрос, услышав который, она очень обрадовалась.

– Я потому пошла на этот митинг, что мы с мамой против того, что вы вычеркнули из списка кандидатов коммунистов. И еще мы не согласны с арестом Паршина, которого все знают, и увольнением нашего мэра, которого мы все очень любим.

– А ты и твоя мама знаете, что ваш любимый мэр был киллером?

– А вот вовсе не был Константин Алексеевич никогда киллером, – горячо возразила девушка, вскинув голову. – Мама сохранила старые газеты о нем. Я их читала. Это бандиты под руководством старого мэра хотели сделать из него киллера, потому что он воевал в Чечне снайпером и метко стрелял. Они его выкрали и лишили памяти, чтобы он безжалостно убивал людей, которых ему заказывали бандиты. Но он убежал от них и помог разоблачить банду.

– Хватит повторять сказки о нем. Верхов преступник и обязательно будет посажен в тюрьму. А также тебя вместе с твоей душой мамой за распространение этих сказок и за участие в запрещенном митинге. Мама твоя тоже была на митинге?

– Чтобы вы и ее арестовали? Нет, не была.

– Врешь! У нас есть фотографии всех, кто был на митинге. Если твоя мама там была, то будете сидеть вдвоем.

– Я вам больше ничего не скажу, – решительно сказала девушка и сжала губы.

– Скажешь, когда тебе переломают твои нежные кости, а в камере вас будут иметь озверевшие мужеподобные сокамерницы. Это тебе не твои клиенты, которые тебе еще и платят. Мы и сейчас можем переломать тебе кости, просто не хочется о тебя руки марать.

– Они у вас и так грязные от вашей газовой атаки. А может быть, и в крови.

Майор сжал кулаки, однако сдержал себя и направился к двери, бросив на ходу капитану:

– Сфотографируй эту блядь и вышвырни из кабинета.

Девушка вспыхнула и едва не крикнула: «Я не блядь и не проститутка» – и осеклась: сама виновата, что назвалась зачем-то проституткой.

До прихода майора капитан Гринин, который был моложе майора на восемь лет, вынашивал мысль договориться с этой понравившейся ему большеглазой красоткой о встрече уже сегодня вечером в обмен на освобождение сразу после допроса. Но майор помешал этим намерениям, и Гринин вынужден был с сожалением выбросить их из головы.

Выпустив девушку, он вдруг потерял всякий интерес к дальнейшим допросам и заглянул к майору. Тот стоял у окна и нервно курил. Капитан присел на стул для допрашиваемых и проговорил, разведя руками:

– Либо они сговорились, либо мы попали в осиное гнездо. Я не вижу смысла допрашивать их дальше.

– То, что здесь прокоммунистическое осиное гнездо, сомнений нет. Думаю, и в клубе то же самое, если не круче. Так мы и доложим. Но четыре человека у нас для такого вывода маловато, руководство это не убедит. Хотя его и убеждать не надо, для них главным доводом уже являются слова Президента. Но для солидности пропустим еще хотя бы пар пять разных возрастных категорий. Старик у меня был, послушаю старуху, а ты прощупай парня, познав молодую стерву. Я тут прикинул список из пар в пределах пятидесяти, тридцати пяти и двадцати пяти лет. А для разнообразия начнем с четырех человек наугад, сидящих, например, на десятом, тридцатом, семидесятом, сотом и сто пятидесятом местах. А потом подрегулируем список по возрастам. Фамилии, я думаю, можно не спрашивать, так как при отсутствии документов им ничего не стоит нам набрехать, а достаточно будет указать лишь возраст и два – три слова о внешнем облике, профессии, а главное, как можно подробнее изложить ответ о причине прихода на митинг.

Они так и сделали, а для полноты дела решили лично взглянуть на бунтовщиков и самим выбрать кандидата на допрос.

Оглядывая ряды в поисках подростка, капитан увидел свою проститутку, нежно глядевшую на сидевшего рядом кудрявого молодого парня, совсем еще мальчика. От этого капитан еще больше моментально возненавидел парня и, указав на него пальцем, приказал:

– Ко мне!

Парень медленно, скривившись от боли, стал подниматься, но проститутка надавила ему на плечо и поднялась сама.

– Ему нельзя, – крикнула она. – Он только что пришел в сознание.

– Врет она, – шепнул подскочивший к капитану опоновец. – В себя он пришел еще в автобусе. Он ее отбивал, когда мы ее брали. С ним мы вдвоем не могли справиться. Его помог успокоить третий. И в автобусе и здесь он орал с ней Интернационал. Тот еще звереныш.

– Я сказал, ко мне! – повторил еще грознее капитан.

К ним подошел Матюхин.

– Бунтуют, – пояснил Гринин. – Проститутки ухажер не хочет выходить.

Майор сделал зверское лицо и рывкнул:

– Встать! Ко мне!

Его голос утонул в реве зала, поднявшегося на защиту парня.

– Вам, извергам, мало десяти человек, увезенных «Скорой»? – подбежала к майору, оттолкнув капитана, пожилая женщина с раскрытой головой.

– Детей мы вам не отдадим! – грозя кулаком в лицо майора, навис над женщиной мужик в меховой шапке.

– Не нужен нам такой Президент, ненавидевший народ! – перекрыл все голоса знакомый голос.

– Руки прочь от Верховя!

– Свободу Паршину!

– Убирайтесь отсюда, сволочи!

Майор подозвал опоновца.

– Запомни этого парня. А ты, – повернулся он к капитану, – выбери другого.

Сидевший неподалеку паренек вскочил и спросил:

– Можно я пойду на допрос?

Гринин бросил на паренька безразличный взгляд и махнул рукой в знак согласия. Паренек с радостью на лице стал вылезать к проходу.

Что-то тут не так, подумал Гринин. Надавлею на этого сопляка, должен расколоться.

Паренек, оказавшийся на полголовы выше капитана и на целую – майора, подойдя к ним, поднял победно руки. В притихшем зале послышались хлопки.

Майор махнул рукой капитану, чтобы он уводил паренька, а сам прошел к передним рядам и протянул руку к сидевшей посередине второго ряда старушку в шляпе с перьями:

– А вы, мамаша, не будете возражать пройти со мной? Очень мне ваша шляпа понравилась.

– Я ее не продаю, – громко возразила старушка, вызвав всеобщий смех. – А ты со мной ничего не сделаешь?

Ответ майора, кроме него самого, никто не услышал во взрыве хохота.

Старушка поднялась и, подняв вверх сжатый кулачок «но пассаран», бочком двинулась к выходу.

– Долго мы здесь сидеть будем? – послышался мужской голос.

Майор дождался выхода старушки, усадил ее в свободное кресло и встал перед рядами.

– У кого из вас есть с собой паспорта или другие документы, поднимите руки – сказал он.

В наступившей тишине послышался голос:

– А зачем?

– Для удостоверения вашей личности. Ну, так как? Ни у кого с собой нет документов? –

Майор провел глазами по залу. – Так я и думал, что вы все бомжи. Это даже хорошо, меньше мороки. Сейчас побеседую с мамашей, а заодно попробую уговорить ее все же продать мне шляпу.

– Ни за что! – крикнула, приподнявшись, старушка.

– Нет, так нет, насиловать я вас не буду. – Майор подождал, когда стих робкий смех. – В связи с тем, что вы все бомжи, я закажу на утро автобусы и отправлю всех вас напрямиком в областное СИЗО, откуда вас распределят по тюрьмам.

В притихшем зале послышался не совсем уверенный мужской голос:

– Пугает.

– Отпущу того, у кого найдутся хоть какие-то документы, подтверждающие вашу личность. Мамаша, поднимайтесь, пошли.

Их проводила гробовая тишина.

Допрос высокого паренька, представившегося Васей Петровым, капитан начал с вопроса, как зовут кудрявого парня рядом с проституткой.

– С какой проституткой? – удивился Вася. – Кто это вам сказал, что она проститутка?

– Запомни на всю жизнь. Представителям власти вопросы не задают, а на них отвечают. Для начала я сделаю для тебя исключение. Проституткой мне назвалась эта сама девица.

– Наташка сама вам сказала? Во, блин, дает. А чо? Может быть. Насмотрелась порнухи и самой захотелось. А воще-то в классе она была самая скромняк.

– Ты говоришь, была. А сейчас она уже не учится?

– Почему не учится? Учится в медицинском колледже.

– Кудрявый тоже с вами учился?

– Не, он в другой школе.

– А ты и Наташка откуда его знаете?

– Его все знают. Он чемпион Лесков по киксбоксингу и по лыжам со стрельбой.

– Как его фамилия?

– Его фамилия? Во, блин... Сейчас скажу... Наверное, как и у всех в Лесках, Лесков..

А так он Пантера.

– Пантера, говоришь... Ты сам откуда знаешь текст Интернационала, который пел вместе с ними?.

– Кого текст?

– Прикидываешься дурачком? Откуда ты знаешь текст Интернационала?

– Какого еще интер...? А, понял, – сказал Вася, делая ударение на я. – А он мне нужен?

Я повторял за другими. А чо? Мотивчик классняк, если слова заменить, тот еще хитяк будет. Меня даже с проклятыми и заклеяменными он пробрал, а с другими воще будет отпад. – Антон изобразил игру на гитаре.

– Это они тебя на митинг сагитировали?

– Кто они? Наташка и Пантера? Я их уже там увидел. А меня Деляга затащил. Сказал, что туда все идут, а сам, козел, сразу отвалил, как только увидел опоновцев.

– Кого увидел?

– Как кого? Опоновцев.

– Омоновцев?

– Омоновцы – это наши. Они там тоже были. А ваши опоновцы.

Капитан подумал: «А что, все правильно. Милиции уже нет, значит, нет и ОМОНа», а вместо него ОПОН.

– Ты тоже Наташку от оп.. поновцев защищал?

– Ага. А чо они к ней прилипли? Раз красивая, так можно хватать?

Отпустив Васю, так и не поняв, придурился он или нет, капитан опять пошел к майору. У того все еще сидела старушка в шляпе и что-то ему доказывала. Капитан присел на стул в углу и прислушался:

– .. Александр Зиновьев сказал о них буквально следующее: «как социальные мыслители и Сахаров, и Солженицын – полные ничтожества. Они были игрушкой, орудием холодной войны и умело подыгрывали западным махинаторам в разрушении Советского Союза. Они предали Россию, русский народ, совершили самую подлейшую роль в истории человечества. Я, это Зиновьев о себе, отношусь к ним с презрением». Я лично – тоже.

– Но насколько я знаю, Зиновьев сам был против советской власти и разоблачал коммунистов в своих книгах, – возразил Матюхин, чтобы показать, что не только слышал о Зиновьеве, но и читал его.

– Да, ему часто об этом напоминали, на что он с горечью отвечал, что готов взять и на себя долю вины и нести ответственность за развал СССР. Но при условии, если к ответственности будут привлечены и все остальные. Для них тоже должен быть один критерий: какую роль они сыграли в гибели нашей страны. Но либерасты и не думают признавать свою вину и тем более нести ответственность за развал великого государства. Напротив, они ставят это себе в заслугу. Вот, к примеру, с какой гордостью доложил о развале СССР американскому центру Хабад нынешний раввин России Берла Лазар: «Россия знала немало революций, но самая мирная, самая тихая и самая эффективная – это революция, которую совершили посланники Хабад». Видно, как раз за это еврейское уничтожение СССР эта вражина награждена четырьмя высшими наградами России: Орденом Дружбы народов, орденом Минина и Пожарского, Орденом Петра Великого первой степени и Золотым почетным знаком «Общественное признание». Скажите мне, что, кроме возмущения, может вызвать это у русского человека? Особенно «Общественное признание»! Какого, скажите мне, конкретно общества? Русского народа? Уму непостижимо! Вы-то сами, как к этому относитесь? Или вам нельзя иметь свое мнение?

– А я вас хочу спросить вот, о чем: могли бы вы сказать хотя бы слово против Сталина в то время?

– Не могла, потому что я отдала бы жизнь за него. А за нынешних вождей, извините, я не только жизнь, а рваные колготки пожалею.

Майор стукнул по столу кулаком.

– С вами все ясно. Вам сколько лет?

– Об этом женщин не спрашивают! – возмутилась старушка.

– Это у молодых женщин. А в вашем возрасте плюс – минус двадцать лет уже не имеет никакого значения.

– А в вашем и пять лет имеет большое значение, подтверждением чего является сравнение вас с этим молодым человеком, – сказала старушка, бросив кокетливый взгляд на капитана.

Майор побагровел и бросил капитану:

– Уведи эту каргу или я ее придушу.

В его голосе было столько злобы, что старушка быстро поднялась и почти бегом направилась к двери. Капитан вышел за ней и приказал игравшему на мобильнике опоновцу:

– Отведи ее и больше никого не приводи.

Капитан подождал, пока старушка не исчезла в приоткрытой опоновцем двери в зал, и вернулся в кабинет майора. Тот стоял у окна и курил. Капитан подошел к нему и глянул в окно.

– Нет, здесь не осиное гнездо, здесь вражеский тыл, – проговорил майор, развевая рукой дым. – Казалось бы, старушка – божий одуванчик, а подкована не хуже профессора. Слышал, как шпарит цитатами ученых и политиков, как сплетнями соседей по даче. Но самое страшное, она во многом права. Наверное, и немцы это чувствовали, поэтому сразу наших расстреливали. С этими тоже вести душещипательные беседы бесполезно, а либо огородить их от остальных колючей проволокой либо выселить куда-нибудь подальше, как Сталин чеченцев и ингушей. А что? Подпишешь, если я предложу это в докладе?

– Я-то подпишу, да не те сейчас времена. Демократы взвоют.

– Они как раз не взвоют, а обрадуются, потому что Лески для них, как раковая метастаза. Попробовали бы мы применить удушающий газ еще где-нибудь, не говоря про Болотную площадь. А тут применили, и я уверен, не без жертв, а в Москве об этом ни слова ни по телевидению, ни по радио. Я, знаешь, чем пригрозил залу? Отправить их утром в областное СИЗО. Всех, кто не предоставит мне паспорта. Как бомжей. Ты бы видел, как они обосрались.

– Что-то не очень, если никого не видно с паспортами.

– Рано еще. Полчаса не прошло. Первые ласточки, должны появиться минут через двадцать.

– Правда, начнешь их отпускать?

– Правда, начну, оставив паспорта у себя. Я все обдумал. Мы снимем с паспортов копии, которые понадобятся для вызова хозяев в суд, а сами паспорта используем для голосования за партию власти и вернем их после выборов.

– Ловко. А если эта афера раскроется?

– Кем? В избирательной комиссии будут в основном наши. У них в этом деле опыт большой.

В зале и в самом деле настроение было подавленное. Услышав то там, то здесь приглушенные «Алё», Лесков, которого многие знали по выступлениям по местному телевидению, поднялся и громко крикнул:

– Выключить телефоны! Расстроить родных мы всегда успеем. Давайте сначала все обдумаем. Нас более двухсот человек. Во всей области нет такого СИЗО, чтобы там нас разместить. Я уверен, что полицай нас шантажирует. Если уж звонить родным, то для того чтобы они подняли тревогу и призвали лесковцев прибыть сюда и потребовать нашего освобождения.

– Кого поднимать? Все были на митинге и сейчас приходят в себя, – возразил мужской голос.

– И их арестуют. Места здесь всем хватит, – поддержала мужчину какая-то женщина.

– Разумно, – согласился писатель. – Но это пессимизм. А как насчет оптимизма?

Поднялся молодой человек лет двадцати пяти, в очках с разбитым стеклом и рассеченной бровью. Он поправил очки и сказал, обращаясь к писателю:

– Я, пожалуй, соглашусь с вами, что полицай блефует и никуда нас завтра отсюда не увезут потому, что послезавтра выборы. В принципе-то весь сыр бор здесь затеян из-за них, которые окончательно похоронили бы в Лесках партию власти. Введением губернаторского правления власть намечала полностью подчинить нас себе. Подавив наш первый протестный митинг, она была уверена, что сломила нашу волю, и мы будем, как шелковые. А мы сегодня показали, что не испугались. Если они нас увезут, то развяжут в Лесках настоящую войну. Я не думаю, что власть это не понимает. Поэтому допускаю, что заинтересованность полицай в наших паспортах связана с предстоящими выборами. Не исключаю, что он обусловит наше освобождение голосованием за партию власти.

– И мы будем сидеть здесь до воскресения? – спросила сидевшая перед оратором девушка. – Я не могу, у меня грудной ребенок.

– Два часа вы можете еще здесь пробыть.

– Думаете, через два часа нас выпустят?

– Насчет выпустят, не знаю, но думаю, что через два часа все прояснится, и будет ясно, как поступить с вами.

– Хорошо, два часа я подожду. Я, как все.

– А я не могу ждать два часа, – поднялась в переднем ряду женщина лет сорока. – У мамы день рождения.

Молодой человек в очках взглянул на часы и не успел ответить. За него это сделал мужчина в черной вязаной шапочке, надвинутой по самые глаза. Встав во весь солидный рост, он приподнял левую руку в черной перчатке и положил ладонью на спинку переднего сиденья.

– Подождет ваша мама. И не только два часа. Она не настолько глупа, чтобы не понимать, что мы здесь не в бирюльки играем, а решаем судьбу если не страны, то Лесков уж точно. А вы, идя на запретный митинг, должны были знать, что грубо нарушаете уголовный кодекс, за что по головке вас не погладят, а могут очень сурово наказать со всей строгостью закона, стоящего на страже этого антинародного режима. Я, например, уверен, что буду уволен с государственной службы и в случае суда понесу более суровое наказание по сравнению с другими. Но я

осознанно пошел на митинг, потому что не хочу служить нынешней власти. Мой начальник полковник Безусьяк также знал, что будет снят с должности начальника РОВД, однако в пятницу повел нас на площадь защитить народ от опоновцев и был уволен без сохранения положенных ему льгот. И сегодня он пошел на митинг, взяв на себя роль организатора. «Скорая», насколько мы знаем, увезла его без признаков жизни.

– Он умер, – раздался голос от двери, идущей в туалет. – Мне об этом только что сообщили по телефону.

– А женщина? – спросил женский голос.

– Она умерла еще в дороге.

Вслед за женским криком по залу прокатился гул возмущения.

– Тихо! – потребовал сослуживец Безусьяка. – Я предлагаю почтить память о полковнике и жительнице наших Лесков вставанием и минутой молчания.

А когда сели, то увидели спускавшихся с задних рядов пятерых мужчин, одетых в темные форменные костюмы, и в серых масках. Двое направились к двери, через которую выводили на допрос, и двое – к двери в туалет. Пятый встал перед первым рядом и, подняв в успокоительном жесте руки, приглушенно проговорил:

– Спокойно, товарищи! Мы свои и пришли вас освободить. – Мужчина, а это был Дима, увидев, как многие вскочили, попросил руками опять сесть. Встретив радостный взгляд Вадика, он кивнул ему. – Первыми выходят, вернее, уже начали выходить из задних рядов. Чтобы не создавать шума, быстро поднимайтесь, когда подойдет ваша очередь. Вся процедура выхода должна занять не более семи – восьми минут. А до того продолжайте разговаривать, как ни в чем...

Дима вдруг умолк и, отскочив к двери, через которую выводили на допрос, прижался к стене рядом с двумя бойцами. Дверь приоткрылась, и в ней появилась старушка.

– А вот и я, – крикнула она и умолкла, уставившись на бойцов у стены.

– Тихо, тихо, бабуля, – взял ее под руку Дима и повел к проходу. – Быстро идите к задним рядам и напрямик домой.

Ничего не понимая, старушка засеменяла по проходу.

Дима вернулся на место, с которого убежал, и успокоил не спускавший с него глаз людей:

– Все будет хорошо. Мы все предусмотрели. А к вам просьба, когда выйдете на улицу, быстрее разойтись в противоположную от Дворца сторону и не очень кучно. А сейчас продолжайте разговаривать, чтобы не вызвать подозрение. О том, что полковник Безусьяк умер, знаете?

– Нам уже сказали.

– И женщина умерла.

– Это мы им припомним.

Дима увидел, что подошла очередь Вадика, подошел к нему и, приобняв за плечи, сказал, что отвезет его домой.

– Дядь Дим, я сам доберусь, у вас дел много и без меня.

– Только в том случае, если будет погоня.

Гринин собрался уходить в свой кабинет, как майору позвонил Борзов и, сообщив о смерти Безусьяка, поинтересовался, знают ли об этом задержанные. Матюхин ответил, если и узнали, то их больше волнует угроза отправки завтра утром в областное СИЗО, если они не предоставят ему сегодня паспорта. Аферу с паспортами при голосовании Борзов одобрил и попросил к утру освободить Дворец Культуры и клуб «Луч». Не сдавших паспорта он согласился разместить в своем СИЗО, но не больше десяти человек.

Закончив разговор с Борзовым, майор тут же позвонил в клуб «Луч» майору Сизову, проводившему допросы задержанных крестьян.

В клубе обстановка была еще напряженнее. Доставить сюда удалось лишь два автобуса и то не полных. Многие задержанные были пристегнуты к сидениям наручниками, которые сняли лишь в зале. Несмотря на то, что все ехали в город на легковых машинах, паспортов и водительских прав ни у кого не оказалось, а называть свои фамилии они либо отказывались, либо придумывали вымышленные. Профессия у всех оказалась одинаковая: трешник от нового названия колхозов ООО или «Трио». Об уничтожении колхозов Ельциным, которого задержанные иначе, как алкашом не называли, они говорили сплошь матом, при этом досталось и нынешним правителям страны, особенно Президенту: «Чем ему не угодил наш мэр Верхов? Да мы выжили только благодаря ему. Если бы не он, нашей деревни давно бы уже не было». На возражение майора, что Верхов был киллером, а бывших киллеров не бывает, в чем он как военный уверен, поэтому Верхов должен сидеть в тюрьме, задержанные опять набросились на Президента: «Уж если кого сажать, то в первую очередь самого Президента. Скоро четыре года, как он правит страной, а он подсчитал, сколько деревень за это время добавилось от безысходности к обезлюженным? А сколько малых городов? Верхову бы сделать Президентом, он бы враз порядок навел и возродил сельское хозяйство во всей стране, а не только в одной области.

Разговор о нынешней деревне и о Верхове майор заводил почти с каждым допрашиваемым специально, так как именно здесь, на его взгляд, проявлялись политические взгляды крестьян. Но не всех сразу удавалось разговорить. В основном, они смотрели на него зверем и на стандартные вопросы (фамилия, возраст и пр.) либо молчали, либо бросали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.